

Карусель

Автор:

Сомерсет Моэм

Карусель

Сомерсет Моэм

Зарубежная классика (АСТ)

Круговорот жизни, чередование удач и несчастий, разлук и неожиданных встреч. Круговорот страстей и увлечений, зависти и дружбы, предательства и самоотверженности.

Дочь священника, посвятившая себя юному поэту, аристократ, разрывающийся между чистой любовью к леди и плотской страстью к красивой официантке, жена уважаемого политика, ставшая жертвой хищного и циничного альфонса, – каждый из них, в сущности, хочет всего лишь быть счастливым. Кому из них удастся обрести счастье, а кто обречен на страдания? И какую цену даже самым «удачливым» придется заплатить за исполнение желаний?

Сомерсет Моэм

Карусель

© The Royal Literary Fund

© Перевод. Е. Филиппова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

Посвящается Герберту и Маргарите Баннинг

И все, что я когда-то написал,
Не только в зыбкие слова я облакаю,
А песнь, которую искал,
Но не нашел, вам тоже посвящаю.

Часть первая

1

Всю свою жизнь мисс Элизабет Дуоррис досаждала родным. Женщина с солидным состоянием, она деспотически правила множеством бедствующих кузин, пользуясь своим банковским счетом, как скорпионами Ровоама[1 - В книгах Ветхого Завета скорпион знаменует ужасную кару: царь Ровоам, сын Соломона, грозит своим подданным: «Отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами». - Здесь и далее примеч. пер.], чтобы наказывать их. Следуя примеру многих других благочестивых созданий, она во благо душ родственников делала их всех без исключения несчастными. Воспитанная в евангелистских традициях, популярных во времена ее молодости, она настаивала, чтобы близкие искали спасения, руководствуясь ее собственными воззрениями, и взяла себе за правило острым языком и едкими издевками постоянно напоминать им об их собственной никчемности. Она распоряжалась жизнями так, как считала нужным, и осмеливалась диктовать не только форму одежды и правила поведения, но и определять мысли людей в своем окружении. Страшный суд уже не мог напугать тех, кто подвергся ее истязаниям. Мисс Дуоррис по очереди приглашала пожить у нее разных бедных леди, которые, злоупотребляя дальними родственными связями, называли ее тетушкой Элизой.

Они откликнулись на ее призывы, звучащие более властно, чем королевский приказ, с благодарностью не без доли страха и смиренно несли бремя неволи, как тяжкий крест, надеясь, что им воздастся за это сполна в завещании.

Мисс Дуоррис любила ощущать свое могущество. Во время долгих приемов – ведь в каком-то смысле пожилая леди была очень радушной – она ставила себе особой целью испортить настроение гостям. Она невероятно забавлялась, наблюдая, с какой кротостью принимаются ее возмутительные требования, публично оскорбляла и унижала людей, по-видимому, чтобы сломить греховную гордость, или заставляла их делать то, что они больше всего ненавидят. Обладая выдающейся способностью мгновенно находить их самые уязвимые места, она обрушивалась на любую слабость с резкой руганью и продолжала, до тех пор пока страдалец не падал ниц, корчась от боли и кровотечения. Никакой изъяс, физический или душевный, не давал защиты от ее насмешек, и лишней вес не удостоивался ее снисхождения так же, как потеря памяти. Она всем сердцем презирала своих жертв, высокомерно бросала им в лицо обвинения в продажности их душ и клялась, что никогда не оставит и пенни кучке безвольных глупцов. Она обожала обращаться в благотворительные общества за советами о распоряжении своим имуществом и с неприкрытым ликованием выслушивала их вынужденные и смущенные предложения.

Лишь в общении с одной родственницей мисс Дуоррис видела необходимость проявлять некоторую сдержанность, ведь мисс Ли – пожалуй, самая дальняя из ее кузин, – была так же прямолинейна, как и она сама, и к тому же отличалась куда более острым умом, так что могла обратить любое необдуманное заявление во вред оратору, подняв того на смех. Мисс Дуоррис не имела неприязни как таковой к этой независимой особе, напротив, она относилась к ней с определенной симпатией и изрядно ее побаивалась. Мисс Ли, крайне редко испытывавшая затруднения в подборе находчивого ответа, похоже, действительно получала удовольствие от словесных поединков, из которых, благодаря большей вежливости, проворности и эрудиции, обычно выходила победительницей. Пожилую леди озадачивало и в то же самое время забавляло, что женщина намного беднее ее самой, имеющая не меньше претензий на вожделенное наследство, чем остальные, осмеливается не только шутить на ее счет, но и вести войну в ее собственном лагере. Мисс Ли, найдя человека, с которым могла быть откровенной, и не опасаясь при этом угрызений совести, с беспощадным удовольствием указывала кузине на слабую логику ее замечаний или полную абсурдность ее поступков. Ни одно из взлелеянных убеждений мисс Дуоррис не укрывалось от ее иронии; даже ее евангелизм подвергался насмешкам, и богатая старая дама, не привыкшая к возражениям, легко

начинала противоречить сама себе. Победительница и не пыталась скрыть свой триумф, а мисс Дуоррис бледнела и теряла дар речи от ярости. Ссоры случались часто, но мисс Дуоррис (хотя осознание того, что первый шаг приходится делать именно ей, ранило, как острый шип, вонзившийся в плоть) в конце концов всегда прощала мисс Ли. И все же бесповоротный разрыв казался неизбежным. Причина его, как водится, была весьма тривиальна.

Мисс Ли, которая во время отъезда на зиму обычно сдавала свою маленькую квартиру в Челси, ввиду непредвиденных обстоятельств вынуждена была вернуться в Англию, когда ее постояльцы еще не съехали. Она осведомилась у мисс Дуоррис, можно ли остановиться у нее на Олд-Куин-стрит. Как бы старая тиранка ни ненавидела родственников, еще больше она ненавидела жить одна. Ей нужен был человек, чтобы срывать на нем гнев, а по причине болезни племянницы, которая обещала провести с ней март и апрель, она была вынуждена целый месяц пребывать в уединении. Она написала в ответ письмо в весьма повелительном тоне, от которого не могла воздержаться даже в общении с мисс Ли, что ждет ее в такой-то день таким-то поездом. Не ясно, было ли в этом письме что-то, возбудившее дух противоречия в мисс Ли, или ее планы не позволяли последовать данным рекомендациям, но в любом случае она ответила, что ей удобнее приехать на следующий день и на другом поезде. Мисс Дуоррис телеграфировала, что если гостя не явится в день и час, указанные в письме, то она не сможет отправить экипаж и встретить ее, на что более молодая леди лаконично ответила: «Не надо!»

– Она упрямая как ослица, – бормотала мисс Дуоррис, читая телеграмму и представляя, как тонкие губы кузины изгибались в улыбке, когда она писала эти два равнодушных слова. – Наверное, она думает, что очень умная.

Несмотря ни на что, хозяйка встретила мисс Ли с некой мрачной учтивостью, припасенной специально для нее, ведь она раздражала ее меньше остальных родственников и, хотя не была ни покорной, ни вежливой, никогда не отличалась занудством. Ее манера общения держала мисс Дуоррис в напряжении, так что в ее обществе она обычно проявляла себя с лучшей стороны, а иногда, если забывала о своей привычке довлеть над всеми и вся, даже казалась разумной и веселой женщиной.

– Стареете, моя дорогая, – заметила мисс Дуоррис, когда они сели ужинать и она принялась оглядывать гостью, силясь обнаружить морщины и «гусиные лапки».

– Вы мне льстите, – парировала мисс Ли. – Старость – единственное оправдание для женщины, которая твердо решила прожить жизнь в одиночестве.

– Я полагаю, как и остальные, вы согласились бы выйти замуж, если бы вам кто-то предложил?

Мисс Ли улыбнулась:

– Два месяца назад один итальянский князь предложил мне руку и сердце, Элиза.

– Папист что угодно может выкинуть, – ответила мисс Дуоррис. – Полагаю, вы сообщили ему об уровне своего дохода, и он пришел к выводу, что переоценил собственные чувства к вам.

– Я отказала ему, потому что он слишком добродетелен.

– Не подумала бы, что в вашем возрасте можно позволить себе быть столь разборчивой, Полли.

– Разрешите заметить, что вы обладаете весьма забавной способностью размышлять на одну и ту же тему в одно и то же время в двух диаметрально противоположных плоскостях.

Мисс Ли была стройной женщиной среднего роста. Ее волосы, уложенные в простую прическу, уже тронула седина, а лицо, почти все покрытое морщинами, отличалось четкими чертами, которые позволяли предположить, что она обладает сильным характером. Ее губы, тонкие, но выразительные и подвижные, добавляли ее виду решимости. Она не обладала статью, и даже в молодости уж точно не считалась хорошенькой, зато в ее осанке чувствовалась грация, а в манере поведения – некое обаяние. Ее глаза были очень яркими, а взгляд – столь пронизательным, что иногда почти обескураживал: она без единого слова могла обратить любую претенциозность в абсурд. Притворные ужимки под этим изучающим взором, не то презрительным, не то насмешливым, сразу исчезали. И все же, о чем не забывала напоминать ей мисс Дуоррис, она и для себя выработала определенную позу, но принимала ее столь восхитительно, с такой сдержанной и подобающей благопристойностью, что немногие это замечали, а если и замечали, то не находили в себе сил на порицание: она достигла в этом

такого совершенства, что это можно было считать искусством. Ради этой эстетической игры мисс Ли полюбила одеваться как можно проще, как правило, в черное, и единственным ее украшением служила драгоценность эпохи Возрождения такой удивительной красоты, что ни один музей не отказался бы включить ее в свою коллекцию: она носила ее на шее на длинной золотой цепи и с наслаждением крутила пальцами, чтобы продемонстрировать, если верить ее прямолинейной родственнице, очевидную красоту собственных рук. Ее идеально сидящие туфли и ажурный узор на шелковых чулках позволяли предположить, что она не без причины гордилась изящной стопой – маленькой, с высоким подъемом. В таком облачении, когда приходили гости, мисс Ли и восседала в итальянском дубовом кресле с прямой спинкой и изысканной резьбой, которое размещалось между двух окон у стены. А еще она развила некую чопорность манер, делавшую невероятно эффектными ее выступления, в которых она дерзко критиковала жизнь и развлекала тем самым друзей.

Через два дня после приезда на Олд-Куин-стрит мисс Ли объявила о намерении прогуляться. Она спустилась, прихватив модный зонтик от солнца, который купила, когда была проездом в Париже.

– Вы ведь не собираетесь на прогулку с этой вещицей? – пренебрежительно спросила мисс Дуоррис.

– В самом деле собираюсь.

– Чепуха. Вы должны взять нормальный зонтик. Будет дождь.

– У меня есть новый зонтик от солнца и старый от дождя, Элиза. Я уверена, что все будет хорошо.

– Дорогая моя, вы ничего не знаете об английском климате. Говорю вам: пойдет проливной дождь.

– Вздор, Элиза!

– Полли, – ответила мисс Дуоррис, выходя из себя, – я желаю, чтобы вы взяли зонтик. Барометр опускается, и я ощущаю покалывание в ногах, а это верный признак приближения непогоды. С вашей стороны крайне нерелигиозно осмеливаться строить догадки на тему погоды.

– Рискну предположить, что с метеорологической точки зрения я знаю о путях Провидения не меньше вас.

– А это, думается мне, не смешно, а богохульно, Полли. Я жду, что в моем доме люди будут вести себя так, как говорю я, и настаиваю, чтобы вы взяли зонт.

– Не говорите глупостей, Элиза!

Миссис Дуоррис дернула за шнурок звонка и, когда появился дворецкий, приказала ему принести ее собственный зонт для мисс Ли.

– Я категорически отказываюсь им пользоваться, – заявила более молодая леди улыбаясь.

– Пожалуйста, не забывайте, что вы у меня в гостях, Полли.

– И следовательно, имею право поступать так, как мне хочется.

Мисс Дуоррис, крупная пожилая дама весьма внушительного вида, поднялась и угрожающе вытянула вперед руку:

– Если вы выйдете из дома без зонта, то никогда больше не войдете сюда снова. Вы никогда не переступите этот порог, пока я жива.

Мисс Ли явно пребывала не в лучшем расположении духа тем утром, потому что поджала губы весьма характерным образом и посмотрела на старшую кузину с холодным презрением.

– Моя дорогая Элиза, вы сильно преувеличили собственную важность. В Лондоне нет гостиниц? Похоже, вы думаете, что у вас в гостях я скорее получаю удовольствие, чем умерщвляю свою плоть. А на самом деле этот крест стал для меня тяжеловат, потому что я думаю, у вас худшая кухарка в столице.

– Она со мной двадцать пять лет, – ответила мисс Дуоррис, на ее щеках появились два красных пятна. – И до вас никто не рискнул пожаловаться на ее стряпню. А если бы кто-то из моих гостей это сделал, я бы ответила: что хорошо

для меня, слишком хорошо для всех остальных. Я знаю, Полли, что вы упрямы и вспыльчивы, и готова закрыть глаза на эту дерзость. Вы все равно отказываетесь сделать так, как я прошу?

- Да.

Мисс Дуоррис яростно затрясла звонком.

- Скажите Марте, чтобы немедленно упаковала чемоданы мисс Ли, и вызовите извозчика! - громогласно воскликнула она.

- Прекрасно, мадам, - ответил дворецкий, привыкший к причудам хозяйки.

Потом мисс Дуоррис повернулась к гостье, которая созерцала ее с возмутительной веселостью.

- Я надеюсь, вы понимаете, Полли, что я говорю совершенно серьезно.

- Между нами все кончено, - насмешливо ответила мисс Ли. - Вернуть ваши письма и фотографии?

Некоторое время мисс Дуоррис просидела в молчаливом гневе, наблюдая за кузиной, которая взяла «Морнинг пост» и с превеликим спокойствием читала модные новости. И вот дворецкий объявил, что извозчик уже у двери.

- Что ж, Полли, вы действительно уезжаете?

- Я вряд ли могу остаться, когда мои вещи уже упаковали и прислали экипаж, - хладнокровно ответила мисс Ли.

- Вы сами к этому стремились, я не хочу, чтобы вы уезжали. Если признаете, что своевольны и упрямы, и возьмете зонт, я готова забыть обиду.

- Взгляните, какое на улице солнце, - произнесла мисс Ли.

И словно для того чтобы в самом деле разозлить старую тиранку, яркие лучи, танцуя, проникли в комнату и дерзко расцвели ковер.

– Думаю, мне следует сообщить вам, Полли, что я намеревалась оставить вам десять тысяч фунтов по завещанию. Теперь, разумеется, я не стану претворять в жизнь это намерение.

– Вам лучше бы оставить деньги Дуоррисам. Честное слово, учитывая то, что они состоят в родстве с вами уже больше шестидесяти лет, я считаю, они это действительно заслужили.

– Я оставляю деньги тому, кому пожелаю! – завопила мисс Дуоррис, выходя из себя. – И если захочу, то пожертвую все до последнего пенни на благотворительность. Вы очень независимы, поскольку получаете нищенский доход в пять сотен за год, но этого явно недостаточно, чтобы вы могли жить спокойно и не сдавать квартиру, когда уезжаете. Помните: никто не имеет права предъявлять мне претензии, а я могу сделать вас богатой женщиной.

Мисс Ли ответила с величайшей рассудительностью:

– Моя дорогая, я твердо убеждена, что вы проживете еще лет тридцать, истребляя род человеческий в целом и своих родственников в частности. Мне не стоит тщетно надеяться на то, что я кого-то переживу, и долгие годы подчиняться прихотям крайне невежественной старой женщины, самонадеянной и властолюбивой, скучной и претенциозной.

Мисс Дуоррис, задохнувшись, затряслась от ярости, но собеседница беспощадно продолжала:

– У вас множество бедных родственников, издевайтесь над ними! Выплескивайте свой яд и злость на этих жалких подхалимов, но, умоляю, отныне избавьте от ваших бесконечно занудных речей меня.

Мисс Ли всегда испытывала небольшую слабость к высокопарным высказываниям, а в этой фразе слышалась некая помпезность, что чрезвычайно ее развеселило. Она чувствовала, что на эти слова не найдет ответа, и, исполненная чувства собственного достоинства, покинула комнату. Две леди больше не общались, хотя мисс Дуоррис, властолюбивая, суровая и убежденная

в истинности евангелизма до самого конца, прожила в здоровом уме и трезвом рассудке еще почти двадцать лет. В итоге она умерла после сильного душевного волнения, поводом к которому послужил мелкий проступок горничной, и ее родственники разом с облегчением вздохнули, словно тяжелое бремя упало с их плеч.

Они стояли на похоронах без единой слезы и все еще со страхом поглядывали на свинцовый гроб, скрывавший останки этой грубой, сильной, довлевшей над всеми старой женщины. Потом, нервно подрагивая от нетерпения, они принялись упрашивать семейного юриста обнародовать завещание. Написанное ее собственной рукой и засвидетельствованное двумя слугами, оно звучало так:

Я, Элизабет Энн Дуоррис, проживающая в доме 79 по Олд-Куин-стрит в Вестминстере, незамужняя, настоящим отменяю все прежние составленные мной завещания и завещательные распоряжения и объявляю этот документ моей последней волей и завещанием. Я назначаю Мэри Ли, проживающую в доме 72 по Элиот-Мэншнс в Челси, исполнительницей моего настоящего завещания и передаю все и любое мое недвижимое и личное имущество упомянутой Мэри Ли. Моим внучатым племянникам и племянницам, моим кузенам и кузинам я оставляю свое благословение и заклинаю их не забывать примеры и советы, которые я давала им многие годы. Я рекомендую им впредь развивать силу характера и независимость духа. Рискну напомнить им, что люди безропотные никогда не унаследуют эту землю, ведь придется еще долго ждать, пока им воздастся по заслугам. И я желаю, чтобы они продолжали вносить пожертвования, которые по моей просьбе уже так долго и благородно передают в Общество обращения евреев в христианство и Дополнительный фонд викариев.

В подтверждение вышеизложенного настоящее завещание было подписано мной 4 апреля 1883 года.

Элизабет Энн Дуоррис.

К своему удивлению, мисс Ли обнаружила, что в пятьдесят семь лет получила три тысячи фунтов годового дохода, право проживания в милом старом доме в Вестминстере и большое количество мебели начала викторианской эпохи. Завещание составили через два дня после ее ссоры с эксцентричной пожилой

дамой, и такой его текст, несомненно, позволил достичь трех целей, ради которых оно и было придумано: оно в высшей степени удивило всех заинтересованных лиц, обрушило шквал огня на равнодушную голову мисс Ли и обернулось горчайшим разочарованием и расстройством для всех, кто носил фамилию Дуоррис.

2

Мисс Ли не потребовалось много времени, чтобы поселиться в унаследованном доме. Для новой владелицы, которая яростно ненавидела все современное, его очарование отчасти крылось в причудливой старомодности: построенный во времена королевы Анны, он нес в себе покой, простор и комфорт жилых зданий того периода, с козырьком над дверью, являвшим собой образец элегантности, перилами из кованого железа и, к особому восторгу мисс Ли, огнетушителями для освещавших темные улицы факельщиков.

Комнаты были большими, с довольно низкими потолками и широкими окнами, выходящими на самый красивый парк Лондона. Мисс Ли не внесла больших изменений. Она была эпикурейка до мозга костей, и многие годы лишь страсть к свободе могла всколыхнуть ее невозмутимую и праздную натуру. Но чтобы обеспечить себе независимость, полную и абсолютную независимость, она была готова на любые жертвы: всякие узы причиняли ей неудобство, казалось, сравнимое с физической болью, и она избегала их (будь то узы семьи или любовных отношений, узы привычки или образа мыслей) так рьяно, как только могла. Она всю жизнь старалась не обременять себя имуществом и однажды, в порыве смелости, точно не лишенном героизма, когда почувствовала, что слишком привязалась к своим вещам – шкафам и изысканным веерам из Испании, флорентийским золоченым рамам и английским отпечаткам меццо-тинто[2 - Вид гравюры на металле, относящийся к глубокой печати.], неаполитанской бронзе, столикам и кушеткам, найденным в отдаленных уголках Франции, – она все продала. Она не хотела вспылать столь сильными чувствами к своему дому, чтобы из него стало больно уезжать. Она предпочитала оставаться странницей, бредущей по жизни с сердцем, равнодушным к красоте, с умом, открытым и беспристрастным, с готовностью смеяться над абсурдом. Так что переезд в дом кухни, как в меблированное съемное жилье, со своими скудными пожитками пришелся ей по душе, и она поселилась там, свободная от всяких оков. А когда придет Смерть – неверующий юнец, брат-

близнец Сна, а не мрачный костлявый скелет, как рисуют ее христиане, – она будет готова удалиться, как довольный кутила, улыбаясь без страха и сожаления. Перестановка по личным указаниям хозяйки и избавление от множества образчиков плохого вкуса быстро придали гостиной мисс Ли более утонченный и весьма характерный облик: произведения искусства, собранные со времен памятной продажи, добавляли к обстановке некое степенное изящество. И ее друзья без удивления заметили, что, как в ее собственной квартире, резное кресло с прямой спинкой разместилось между двух окон, а мебель специально была расставлена так, чтобы, сидя на ней, хозяйка дома, которая и сама была частью этой эстетически продуманной схемы, могла командовать и манипулировать гостями.

Едва успев удобно расположиться, мисс Ли написала старому другу и дальнему кузену Эджернону Лэнгтону, декану[3 - Ранг следующего по старшинству после епископа духовного лица в католической и англиканской церкви.] Теркенбери, и пригласила его с дочерью посетить ее новый дом; а мисс Лэнгтон ответила, что они с удовольствием приедут, и уточнила, что они прибудут в определенный четверг утром. Мисс Ли встретила родственников без особого воодушевления, потому что по причуде своей не одобряла всякое проявление нежности. Несмотря на добродушное и подчеркнуто вежливое презрение, с которым обычно относилась к представителям духовенства в целом, на кузена Эджернона она взирала с большим уважением.

Это был высокий пожилой мужчина, худощавый и согбенный, с ослепительно белыми волосами и бледной, почти прозрачной кожей. У него были холодные голубые глаза, но выражение лица при этом исключительно доброе. В его осанке чувствовалось достоинство и в то же самое время бесконечное милосердие, которое напоминало о тех старых знаменитых священнослужителях, чьи имена навеки снискали величественную славу английской церкви. Он мог похвастаться великолепным воспитанием, которое ставило их, каково бы ни было их истинное происхождение, на одну ступень с джентльменами и придворными, и, как и у них, его библейские познания уступали достижениям в классическом образовании. А если и проглядывала косность в его нежелании серьезно задуматься над современным образом мышления, он все же обладал чувством прекрасного и настоящей христианской учтивостью, которая вызывала восхищение и даже любовь. Мисс Ли, учившейся у людей, которые умели с интересом наблюдать за самыми разнообразными тенденциями (ведь для ее скептически настроенного ума никакой образ жизни или способ мышления, по сути, не мог быть ценнее другого), нравилась его величественная откровенная простота, и она относилась к нему с несвойственной ей терпимостью.

– Что ж, Полли, – произнес декан. – Я полагаю, теперь, когда вы стали обладательницей солидного капитала, вы прекратите погоню за недостижимым. Вы успокоитесь и станете уважаемым членом общества.

– Не обязательно подчеркивать, что у меня появилось больше седых волос и глубже прорезались морщины, с тех пор как мы виделись в последний раз.

В это время мисс Ли, которая мало изменилась за последние двадцать лет, удивительно походила на портретную статую Агриппины в музее Неаполя. У нее было такое же морщинистое лицо с выражением презрительного равнодушия к мирским делам и та же исключительная благородная стать, которую императрица обрела, управляя массами, а мисс Ли – управляя собой, что требует гораздо больше усилий.

– Но вы правы, Эджернон, – добавила она, – я старею, и я не уверена, хватит ли мне смелости еще раз продать все мои вещи. Думаю, не смогу больше встретиться лицом к лицу с полным одиночеством, в котором я с радостью купалась, когда чувствовала, что у меня не было ничего, кроме одежды, прикрывающей тело.

– Но у вас оставался надежный доход.

– За который да воздастся хвала всем святым! Не стоит и помышлять о свободе, если имеешь меньше пяти сотен в год, без этого жизнь – просто жалкая борьба за хлеб насущный.

Услышав, что ленч не подадут до двух, декан отправился на прогулку, а мисс Ли осталась наедине с его дочерью. Белла Лэнгтон достигла того возраста, когда ее даже с натяжкой нельзя было назвать девочкой, и ее отец лишь недавно, к ее некоторому смущению, сочинил серию стихов на латыни в честь ее сорокалетия. Она не отличалась красотой или изысканным умением нести себя с достоинством, которое делало декана столь заметной фигурой в кафедральном капитуле. Широкоплечая, с волосами приятного каштанового цвета в строгой прическе, она имела крупноватые черты лица, а ее кожа почему-то казалась обветренной, зато серые глаза лучились добротой, а в выражении лица читалось исключительное добродушие. Следуя провинциальной моде на весьма дорогие ткани, она одевалась с практичной простотой по рекомендации набожных старых дев, которые населяют города с кафедральными соборами, и в

результате создавалось впечатление дорогой безвкусицы.

Она была явно знающим человеком, на которого можно положиться в любой непредвиденной ситуации. Умея воплощать в жизнь стремление к щедрости, порой весьма оригинально, она заслуженно стала руководителем благотворительной деятельности в Теркенбери и, полностью осознавая свою важность в церковной иерархии, правила своим маленьким духовным кружком твердой, но в то же время ласковой рукой. Несмотря на доброе сердце и истинно христианское смирение, мисс Лэнгтон в душе была убеждена в своей собственной значимости, ведь ее отец не только занимал важное положение, но и принадлежал к весьма знаменитому роду, в то время как все хорошо знали, что епископ не мог похвастаться достойным происхождением, а его жена раньше работала гувернанткой. Мисс Лэнгтон отдала бы последнее пенни, чтобы помочь больной жене какого-нибудь бедного vicar, но хорошенько задумалась бы, достойна ли такая женщина приглашения в дом декана. Ее щедрость и доброта распространялись на всех и каждого, но церемониал культурного общества она соблюдала лишь с выдающимися личностями.

– Я пригласила разных людей, с которыми вы познакомитесь сегодня за ужином, – сказала мисс Ли.

– Это хорошие люди?

– Уж точно не неприятные. Миссис Барлоу-Бассетт прибудет с сыном, который мне нравится, потому что очень красив. Еще придет Бэзил Кент, барристер[4 - Адвокат, имеющий право выступать в высших судах, в отличие от солиситора - адвоката, который готовит дела для барристера и имеет право выступать в судах низшей инстанции.]. Он симпатичен мне, потому что напоминает рыцаря на старых итальянских полотнах.

– Вы всегда питали слабость к привлекательным мужчинам, Мэри, – ответила мисс Лэнгтон с улыбкой.

– Красота, пожалуй, важнее всего на свете, моя дорогая. Люди говорят, что для мужчины внешность не играет никакой роли, но все эти слова от глупости. Я знаю мужчин, которые добились почета и славы лишь благодаря прекрасным глазам и хорошей форме губ... Еще я пригласила мистера и миссис Кастиллион. Он член парламента, скучный и напыщенный, как раз такой человек, который

вас развеселит.

Пока мисс Ли говорила, ей принесли записку.

– Какая досада! – воскликнула она, когда прочитала. – Мистер Кастиллион пишет, что не сможет уйти с работы до позднего вечера. Жаль, что они вообще заседают осенью. Как это похоже на него – решить, что ничтожество вроде него незаменимо. Теперь придется приглашать кого-то другого.

Она села и быстро набросала пару строк.

Мой дорогой Фрэнк!

Умоляю вас явиться сегодня на ужин к восьми. А поскольку, когда вы придете, ваш пронцательный ум подскажет вам, что я не могла собрать девять человек по сиюминутной прихоти, признаюсь сразу: я приглашаю вас исключительно потому, что мистер Кастиллион подвел меня в последний момент. Но если вы не придете, я никогда больше и словом с вами не перемолвлюсь.

Навеки ваша, Мэри Ли.

Она позвонила в звонок и приказала слуге немедленно отнести письмо на Харли-стрит.

– Я пригласила Фрэнка Харрелла, – объяснила она мисс Лэнгтон. – Он милый мальчик: сейчас мужчины остаются похожи на мальчиков до сорока лет, а он на десять лет моложе. Он доктор, и довольно хороший, недавно его назначили ассистентом врача в больнице Святого Луки, и он обосновался на Харли-стрит, чтобы быть поближе к пациентам.

– А он красив? – поинтересовалась мисс Лэнгтон с улыбкой.

– Вовсе нет, но он один из немногих моих знакомых, которые меня забавляют. Вам он покажется крайне неприятным, а вы, возможно, утомите его до смерти.

С этими словами, рассчитанными на то, чтобы более молодая собеседница расслабилась, мисс Ли снова уселась у окна. День выдался теплый и солнечный, но деревья, желтые и красные, тронутые первым заревом осени, отяжелели от дождя, который прошел ночью. Была какая-то печально-чувственная страсть в Сент-Джеймском парке с его прохладной спокойной водой, едва различимой за густой листвой, и тщательно выстриженными газонами; и мисс Ли созерцала пейзаж со смутным чувством самоудовлетворения, ибо жизнь в достатке оказалась весьма комфортна.

- Что можно подарить поэту? - вдруг спросила мисс Лэнгтон.

- Разумеется, словарь рифм, - ответила ее подруга улыбаясь. - Или руководство Брэдшоу по тому, как найти эстетическую ценность в здравом смысле.

- Не говорите ерунду, Мэри. Мне правда нужен ваш совет. Я знаю одного молодого человека в Теркенбери, который пишет стихи.

- Я никогда не встречала молодых людей, которые бы их не писали. Уж не влюбились ли вы в бледного страстного vicar, Белла?

- Я ни в кого не влюбилась, - ответила мисс Лэнгтон, едва заметно вспыхнув. - В моем возрасте это было бы нелепо. Но я хотела бы рассказать вам об этом мальчике. Ему всего двадцать, и он работает клерком в местном банке.

- Белла! - воскликнула мисс Ли с наигранным ужасом. - Не говорите мне, что вы заигрываете с человеком, который не входит в ряды аристократов. Что сказал бы декан? И подумать только - поэтически настроенный мальчик! В вашем возрасте женщина должна ежедневно молиться Создателю, чтобы Он уберег ее от любви к мужчине на двадцать лет моложе ее. Это одна из самых распространенных болезней в наши дни.

- Его отец торговал льняными товарами в Блэкстейбле и отправил его в королевскую школу в Теркенбери. И там он получил все возможные стипендии. Он собирался в Кембридж, но его родители умерли, и, чтобы заработать на жизнь, ему пришлось устроиться в банк. Он пережил нелегкие времена.

- Но как вы вообще познакомились? Я не знаю сообществ более закрытых, чем население города с кафедральным собором, к тому же я помню, что вы не

разрешаете представлять вас кому бы то ни было, пока не убедитесь, что его имя значится в списках поместных дворян.

Мисс Ли, свободная от любых предрассудков, яро высмеивала кухню за благоговение перед местной аристократией; и хотя ее собственное имя фигурировало в знаменитой книге пэров Берка[5 - Книга пэров Берка содержит список пэров Англии и их родословную, а также список лиц, получивших титул пэра в истекшем году. Впервые была издана Дж. Берком в 1826 г. С 1847 г. книга издается ежегодно.], она скрывала этот факт как нечто постыдное. По ее мнению, благородное происхождение давало лишь одно преимущество - возможность с чистым сердцем осмеивать напыщенность представителей голубых кровей.

- Мне никогда его не представляли, - неохотно ответила Белла. - Я подружилась с ним случайно.

- Моя дорогая, это звучит в высшей степени непристойно. Надеюсь, он по крайней мере спас вас, когда какой-то несчастный случай приключился с вашим экипажем. Это, похоже, один из любимых приемов Купидона. Этому богу всегда не хватало воображения, и его методы чудовищно банальны... Только не говорите, что этот молодой человек сам заговорил с вами на улице!

Белла Лэнгтон не могла рассказать всю правду мисс Ли о знакомстве с Гербертом Филдом, потому что оно в значительной степени явилось следствием определенного душевного состояния, которое едва поддавалось ее собственному пониманию. Ее посетило замешательство, возникающее у большинства незамужних женщин, когда юность проходит, а впереди уныло маячит монотонная зрелость. Уже какое-то время привычные обязанности не приносили ей удовольствия, и ей казалось, что она слишком часто делает одно и то же: дни шли нескончаемой чередой, раздражая однообразием. Ее охватило беспокойство, которое заставляло одних, безвестных или знаменитых, как отважный Кортес, пуститься в плавание по неизведанным морям, а других - таких было не меньше - подвигало на приключения, опасные для души. Теперь она с завистью смотрела на подруг-ровесниц, воспитавших прекрасных детей, и не без труда гнала прочь зарождавшиеся сожаления об упущенном женском счастье - все ради отца, который был одинок в целом мире и совершенно беспомощен и непрактичен. Эти чувства сильно ее удручали, ведь она всегда обитала в своем маленьком мирке, занятая богоугодными и добрыми делами.

Эмоции, обуревавшие ее душу, казались искушением дьявола, и она обратилась к своему Богу за утешением, которого так и не получила. Белла пыталась отвлечься, занимаясь работой, и с удвоенным рвением руководила благотворительными учреждениями. Книги оставляли ее в такой же унынии, но, стиснув зубы, с яростной решимостью, она начала учить греческий. Ничего не помогало. Против воли ее атаковали новые мысли; и она приходила в ужас, поскольку ей казалось, будто ни одну женщину никогда еще не терзали столь дикие и постыдные наваждения. Она тщетно напоминала себе, что имя, которым она так гордится, вынуждает ее взять себя в руки, а положение в Теркенбери обязывает ее даже в самых сокровенных помыслах служить примером более простым людям.

Теперь мисс Лэнгтон не получала удовольствия от пребывания в этой тихой гавани, где раньше с наслаждением скрывалась часами. Старый собор, выдавший вид и посеревший, но все равно красивый, больше не дарил привычного ощущения покоя и свободы. Она любила долгие прогулки по сельской местности, но луга, усеянные весенними бабочками, и леса, разукрашенные осенней охрой, лишь усиливали беспокойство. И охотнее всего она отправлялась на холм, с которого на небольшом отдалении открывался вид на сверкающее море, и на мгновение его величие успокаивало ее метущуюся душу. Иногда на закате над сланцевой серостью приплывших с запада облаков несметным множеством рассыпались красно-золотые искры и мерцали над тихой водой, словно шлейф богини огня, а потом, подобно Титану, сокрушившему темницу, через пелену пробивалось солнце и заливало все вокруг ярким светом, повиснув в вышине гигантским медным диском. Казалось, оно с усилием гнало прочь сгустившуюся тьму, наполняя небо ослепительным блеском. Затем над безмятежным морем растягивалась широкая дорога, полыхавшая неземным огнем, по которой могли бесконечно бродить загадочные и страстные души людей в поисках источника вечного света. Белла Лэнгтон отворачивалась со слезами и медленно отправлялась туда, откуда пришла. В долине перед ней серые дома Теркенбери теснились вокруг высокого старинного собора, но его красота лишь заставляла ее сердце сильнее сжиматься от боли.

Потом наступила весна: поля запестрели веселым цветочным узором, похожим на ковер, достойный нежных ног ангелов Перуджино, и это только усилило ее мучения. На каждой живой изгороди, на каждом дереве пели птицы на все голоса, восславляя радость жизни, и красоту дождя, и яркий солнечный свет. Они все до одной твердили ей, что мир молод и прекрасен, а человеческий век так короток, что каждый час надлежит проживать как последний.

Когда подруга пригласила ее на месяц в Бретань, она, устав от собственного бездействия, с радостью согласилась. Путешествие могло облегчить страдания ее больного сердца, а усталость от поездки – унять дрожь в членах, которая заставляла ее чувствовать, будто она способна на рискованные предприятия. Две дамы в одиночестве гуляли по изрезанному побережью. Они остановились в Карнаке, но таинственные древние камни говорили лишь о бренности жизни: человек приходил в этот мир и уходил со своими надеждами и чаяниями и оставлял после себя свидетельства своей слабой веры, которая становилась загадкой для следующих поколений.

Они отправились в Ле-Фауэ, где покрашенные окна разрушенной церкви Сен-Фиакр сияли, как драгоценные камни. Но спокойное очарование этих мест не тронуло сердце, жаждущее жизни и любви, которая вдохновляет на свершения. Они посетили знаменитые кальварии[б - Имеются в виду скульптурные группы, чаще всего на въезде в населенный пункт, с изображением распятия, иногда – Богородицы и других фигур. Calvaire – Голгофа (фр.).] Плугастеля и Сен-Тегоннека; и эти мрачные кресты с каменными процессиями (попытка увидеть красоту в народе, осознавшем совершенный грех) под серым западным небом встревожили ее еще больше: они несли в себе лишь смерть и могильное отчаяние, а ее переполняли ожидания, жажда чего-то, непонятного ей самой. Ей казалось, будто бы она, сама не зная как, плывет по темному безмолвному морю мистерий, где законы обычной жизни совершенно бесполезны. Путешествие не принесло ничего из того, что она искала, а лишь усилило ее беспокойство; ей не терпелось чем-нибудь заняться, и она вернулась в Теркенбери.

3

Наконец, в один из дней того самого лета после вечерней службы в соборе, мисс Лэнгтон, равнодушно направляясь к двери, увидела молодого человека, сидевшего в конце нефа. Было поздно, так что, судя по всему, все просторное здание осталось в их распоряжении. Сияющим взглядом он смотрел в пустоту, как будто его собственные мысли ослепили его, когда перед ним предстало это готическое великолепие, и его глаза казались необычайно темными. У него были светлые волосы и худое овальное лицо, с нежно-бледной, как у женщины, кожей. Мгновением позже к нему подошел служитель церкви и сказал, что собор закрывается, юноша встал и, не обращая внимания на другие слова служителя, прошел в ярде от Беллы, но из-за своей рассеянности не заметил ее. Она больше

не думала о нем, но в следующую субботу, отправившись по привычке на службу во второй половине дня, снова увидела юношу, сидевшего, как и прежде, в самом конце нефа, подальше как от туристов, так и от церковников. Подстрекаемая неведомым ей самой любопытством, она решила остаться там, вместо того чтобы перейти в клирос, отделенный от нефа внушительной ширмой, где по праву занимаемого положения ей выделили место неподалеку от сиденья декана.

На этот раз мальчик, ибо назвать его иначе было нельзя, читал книгу, как она заметила, в стихах. То и дело он с улыбкой вскидывал голову, чтобы, как ей показалось, мысленно повторить понравившуюся строку. Началась служба, звучавшая на отдалении не так громко, так что хорошо знакомые формы обрели новую загадочность. Длительные звуки органа гремели, отражаясь от сводчатой крыши, или нежно звенели, как голосок ребенка меж высоких колонн. Время от времени вступал хор, придавая органной музыке еще большую глубину, но каменные стены заглушали и преломляли музыку, так что она смутно напоминала шум морской волны. Потом это прекратилось, и прекрасный тенор – гордость собора – взял соло, и этому волшебному звуку стало все подвластно, мелодия старого гимна – ее отец любил простую музыку прошлого века – взмыла ввысь к небесам в исполненной страданий молитве. Книга выпала из рук молодого человека, и он принялся вслушиваться в мелодичные переливы. Его лицо преобразилось от восторга, и он стал похож на изображенного на холсте святого, которого благословило таинственное око небесного света. А потом, упав на колени, он закрыл лицо руками, и Белла увидела, что он от всей души молится Богу, который дал людям уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть красоту мира. Что было в этом зрелище такого, что заставило ее сердце затрепетать от какого-то неведомого чувства?

И когда он вернулся на место, на его лице появилось выражение несказанного удовлетворения, а губы задрожали от счастья, изогнувшись в улыбке, так что Белла позеленела от зависти. Что за сила была в его душе, которая могла волшебным образом раскрасить то, что оставляло ее равнодушной вопреки всем ее стараниям? Она подождала, пока он медленно вышел, и, увидев, как он кивнул служителю церкви у двери, заинтересовалась, кто он.

– Не знаю, мисс, – ответили ей. – Он приходит на службу каждую субботу и воскресенье. Но никогда не садится в клиросе. Он всегда остается там, в углу, где никто его не видит, и читает книгу. Я никогда его не трогаю, потому что он очень тихий и вежливый.

Белла и сама не понимала, почему так часто думала о светловолосом юноше, который никогда и не замечал ее присутствия, или почему в следующее воскресенье снова пришла в неф, надеясь на его появление. Понаблюдав за ним внимательнее, она отметила его стройность и красивую форму рук, которые, казалось, прикасаются к вещам с необычной нежностью. Однажды их взгляды встретились, и его глаза оказались голубыми, как летнее море в Италии, и такими же глубокими. Она никогда не отважилась бы заговорить с незнакомцем, но откровенная простота в выражении его лица, в которой, как ни странно, чувствовалась некая интригующая печаль, помогла ей преодолеть застенчивость и боязнь того, что неуместно знакомиться с человеком, о котором она ничего не знает. Интуиция подсказывала: наступил переломный момент в жизни, и сейчас ей требовалась смелость, чтобы обеими руками ухватить счастье. И словно этому благоволило само небо, ей как раз представилась прекрасная возможность завязать знакомство. Взволнованная в преддверии, как ей казалось, настоящей авантюры, она нетерпеливо дождалась субботы, а потом попросила у знакомого служителя церкви ключи и после службы дерзко подошла к юноше, имени которого даже не знала.

– Хотите, я покажу вам собор? – спросила она, не представившись. – Мы можем осмотреть все одни, ведь особенно приятно, когда не отвлекает болтовня служек и суета прихожан.

Он залился румянцем до корней волос, когда она обратилась к нему, а потом очаровательно улыбнулся:

– Как мило с вашей стороны! Я всегда хотел это сделать.

У него был приятный низкий голос, и он не выказал никакого удивления, но Белла, несколько напуганная собственной смелостью, все равно считала нужным объяснить, почему выступила с таким предложением.

– Я вижу вас здесь очень часто, и мне подумалось, что вы хотели бы увидеть весь собор. Боюсь только, вам придется потерпеть при этом мое присутствие.

Он снова улыбнулся и, похоже, впервые окинул ее внимательным взглядом. Белла, смотревшая прямо перед собой, почувствовала, как он медленно изучает ее лицо, и вдруг показалась себе старой, и морщинистой, и безвкусной.

– Что у вас за книга? – спросила она, желая прервать затянувшуюся паузу.

Он молча протянул книгу, и она увидела, что это маленький сборник лирических стихов Шелли, явно перечитанный много раз, поскольку страницы едва держались в переплете.

Белла открыла ворота, ведущие в апсиду, и заперла их за собой.

– Разве не прекрасно оказаться здесь в одиночестве? – воскликнул он и пружинящим шагом с улыбкой в глазах двинулся вперед.

Сначала он немного стеснялся, но вскоре атмосфера самого места, с темными приделами и могильными плитами в виде лежащих рыцарей, узорчатыми окнами в драгоценных камнях, заставила его разговориться, и его охватил мальчишеский энтузиазм, который он изливал со страстью, поразившей Беллу. Его восторг передался ей, и она увидела новое очарование в том, что хорошо знала. Пылкость его горячей поэтической натуры, казалось, позолотила стены волшебным солнечным светом; и, словно открывшись небу, эти одинокие камни вкусили новой свежести зеленых лужаек, и цветов, и деревьев с густой листвой. Теплое дыхание западного ветра согрело готические колонны, придав новое великолепие старинному стеклу и живое очарование – крестовому своду. Щеки юноши покраснели от возбуждения, а сердце Беллы, когда она его слушала, билось быстрее, замороженное охватившим ее счастьем. Он много жестикулировал, и от движений его длинных изящных пальцев (собственные пальцы, несмотря на ее благородное происхождение, были короткими, толстоватыми и некрасивыми) оживало само прошлое этого величественного собора. Она слышала позвякивание металла, когда рыцари в доспехах шагали под неподвижными знаменами, и ясно видела тот исторический момент, когда джентльмены Кента в гамашах и камзолах и дамы в гофрированных воротниках и юбках с фижмами собрались восславить бога шторма и войны, потому что Говард Эффингем разгромил армаду короля Филиппа.

– А теперь давайте пройдем в крытую галерею, – нетерпеливо предложила она.

Они сели на каменный парапет, выходящий на свежий зеленый газон, где в былые времена в раздумьях бродили монахи-августинцы. Какое-то утонченное изящество чувствовалось в аркаде, с ее стройными колоннами и изысканной резьбой на капителях, напоминавшей о галереях Италии, которые, несмотря на

печальные кипарисы и полуразрушенный вид, навевают мысли об умиротворении и счастье, а не присущее северянам чувство стыда за совершенные грехи. Молодому человеку, который знал волшебное очарование юга только по книгам и картинам, быстро передалось это ощущение, и на его лице отразилось печальное томление. Когда Белла поведала ему о путешествии в Италию, он принялся с жаром расспрашивать ее, и пыл юной души заставил ее отвечать с теплотой, которую она старалась не допускать в общении с другими, боясь показаться нелепой. Открывшийся перед ними вид был очень красив. Высокая центральная башня в своем грандиозном великолепии смотрела на них сверху вниз, а ее статная красота трогала душу, так что юноша, хоть никогда и не видел монастырей Тосканы, словно побывал там. Они некоторое время посидели молча.

– Должно быть, вы очень важный человек, – наконец произнес он и повернулся к ней. – Иначе нам ни за что не разрешили бы находиться здесь так долго.

– Для служек это особого значения не имеет, – с улыбкой ответила она. – Наверное, уже поздно.

– Не зайдете ко мне выпить чаю? – спросил он. – Я живу прямо напротив входа в собор. – Потом, поймав взгляд Беллы, он, улыбнувшись, добавил: – Меня зовут Герберт Филд, и я весьма благовоспитанный человек.

Она колебалась: ей казалось странным распивать чай с человеком, которого она почти не знала, но она смертельно боялась показаться ханжой. А визит к нему домой, в ходе которого она могла лучше познакомиться с ним, обещал стать логическим завершением приключения. Наконец, руководствуясь здравым смыслом, она решила, что получила шанс вкусить настоящей жизни вместо жалкого существования.

– Пожалуйста, – настаивал он. – Я хочу показать вам мои книги.

И он легко, но настойчиво коснулся ее руки.

– С большим удовольствием.

Он привел ее в крошечную комнатку близ аптеки, обставленную как кабинет, с низким потолком и обшитыми панелями стенами: на них висело несколько

репродукций картин Пьетро Перуджино, а еще там оказалось довольно много книг.

– Боюсь, тут тесновато, но я поселился здесь, чтобы видеть вход в собор. Я думаю, это едва ли не самое прекрасное, что есть в Теркенбери.

Он заставил ее присесть, пока кипятил воду и делал бутерброды. Белла, сначала немного напуганная новизной происходящего, держалась чуть отстраненно, но полный восторг юноши от ее общества передался и ей, так что она повеселела и успокоилась. Потом ей открылась новая грань его характера: восторг от встречи с прекрасным отступил, и он стал вести себя совершенно нелепо, по-мальчишески. Он заливался звонким смехом и теперь, когда мисс Лэнгтон была у него в гостях, чувствовал себя более непринужденно и свободно рассуждал на сотни тем, которые одна за другой приходили ему на ум.

– Хотите сигарету? – спросил он, едва они допили чай. А когда Белла со смехом отказалась, поинтересовался: – Вы ведь не против, если я закурю? После этого я буду еще красноречивее.

Он придвинул стулья к открытому окну, чтобы открылся вид на массивные каменные стены, и, как будто знал Беллу всю свою жизнь, продолжал болтать без умолку. Но когда она в конце концов поднялась, чтобы уйти, его взгляд стал тусклым и печальным.

– Мы ведь увидимся снова, правда? Я не хочу терять вас теперь, когда столь странным образом вас нашел.

По сути, он просил мисс Лэнгтон назначить ему свидание, а дочь декана уже забыла о всякой осторожности.

– Осмелюсь предположить, что мы когда-нибудь увидимся в соборе. – Как и свойственно женщине, она собиралась дать ему все, что он хочет, но не желала сдаваться слишком быстро.

– О, так не пойдет, – не отступал он. – Я не могу ждать встречи с вами целую неделю.

Белла улыбалась ему, а он жадно заглядывал ей в глаза, держа ее за руку, очень крепко, как будто и не думал отпускать, пока она не пообещает ему хоть что-нибудь.

- Давайте прогуляемся завтра по окрестностям, - предложил он.

- Прекрасно, - ответила она, убеждая себя, что нет ничего плохого в прогулке с юношей на двадцать лет моложе ее. - Я буду у Западных ворот в половине шестого.

Но вечер вернул мисс Лэнгтон благоразумие, и она отправила ему записку, в которой сообщала, что забыла о ранее назначенной встрече, и выражала опасения, что не сможет прийти. И все же ее терзали сомнения, и она не один раз упрекнула себя, что исключительно из-за своей застенчивости может доставить Герберту Филду горчайшее разочарование. Она софистически говорила себе, что из-за неспешной воскресной доставки письмо, наверное, до него не дошло. И, опасаясь, что он придет к Западным воротам и не поймет причины ее отсутствия, она убедила себя все же появиться там и объяснить лично, почему хотела отложить обещанную прогулку.

Западные ворота представляли собой старую живописную каменную кладку, которая в былые дни отмечала внешнюю границу Теркенбери. И даже теперь, несмотря на дома, выросшие с одной стороны, дорога, которая сворачивала налево, вела прямо в деревню. Когда Белла пришла, чуть раньше назначенного времени, Герберт уже ждал ее. В своей соломенной шляпе он казался еще моложе.

- Разве вы не получили мою записку? - спросила она.

- Получил, - ответил он улыбаясь.

- Тогда почему пришли?

- Просто решил, что вы можете передумать. Я совсем не поверил в вашу встречу. Я так сильно хотел вас увидеть, что вообразил, будто и вы не сможете удержаться. Я чувствовал: вы должны прийти.

– А если бы я не пришла?

– Что ж, подождал бы... Не капризничайте. Взгляните на солнце, которое зовет нас за собой. Вчера перед нами лежали серые камни собора, сегодня – зеленые поля и деревья. Вы разве не слышите восхитительный шепот западного ветра?

Белла взглянула не него и не смогла устоять перед пылкой притягательностью его глаз.

– Полагаю, мне следует принять ваше приглашение, – ответила она.

И они вместе отправились в путь. Мисс Лэнгтон была убеждена, что ее интерес обусловлен лишь материнскими чувствами, как к какому-нибудь сироте, которого она кормила желе с ложечки. Она и не подозревала, что Купидон, хохоча над ее отговорками, весело танцевал вокруг них и выпускал серебряные стрелы. Они брели вдоль тихой речушки, которая текла к северу и впадала в море в тени густых ив. Природу в тот июльский день переполняла свежесть и запахи: скошенное сено, высыхая, источало удивительный аромат, и даже птицы молчали.

– Я рад, что вы живете в доме декана, – сказал он. – Буду с удовольствием представлять, как вы сидите в этом прекрасном саду.

– Вы когда-нибудь его видели?

– Нет. Но могу вообразить, что скрывается за старой красной стеной – тенистые газоны под сенью розовых кустов. Должно быть, там сейчас тысячи роз.

Декан был известен как большой поклонник этого королевского цветка, его цветы на местной ярмарке удивляли весь город. Прогулка продолжалась, и вскоре полусознательно, словно пытаясь укрыться от жестокого мира, Герберт взял ее под руку. Белла вспыхнула, но не отважилась отстраниться – ей странным образом льстила его уверенность. Она очень осторожно задавала ему вопросы, и он удивительно просто рассказывал, как долго его родители бились за то, чтобы дать ему образование, лучшее, чем у людей его круга.

– Тем не менее, – произнес он, – все не так плохо, как я думал. Работа в банке дает мне массу времени, и у меня остаются мои книги и надежды.

– Какие же?

– Иногда я пишу стихи, – ответил он, покраснев от смущения. – Я полагаю, это нелепо, но дает ощущение невероятного счастья. И кто знает? Может, когда-нибудь я создам что-то, чему не дадут умереть в забвении...

Позже, когда Белла отдыхала на ступеньках, а Герберт стоял рядом, он поднял на нее взгляд и, поколебавшись, произнес:

– Я хочу вам кое-что сказать, мисс Лэнгтон. Но я очень боюсь... Вы ведь не бросите меня теперь, правда? Теперь, когда я нашел друга, я не могу позволить себе потерять его. Вы не знаете, как для меня важно, когда есть человек, с которым можно поговорить, человек, который добр ко мне. Я часто чувствую себя ужасно одиноким. А вы внесли такое разнообразие в мою жизнь! За последнюю неделю все как будто изменилось.

Она серьезно посмотрела на него. Неужели он не понимал, что тоже изменил ее жизнь? Она не могла сказать, какие чувства поднимались в ее груди, когда эти прекрасные голубые глаза так умоляли ее о том, что она с готовностью хотела ему дать.

– Мой отец собирается в Линэм в среду, – произнесла она наконец. – Когда закончите работу, придете ко мне на чай в наш сад?

Она почувствовала, что ей воздалось сторицей, увидев счастье в его глазах.

– Я больше ни о чем не смогу думать до тех пор.

Мисс Лэнгтон поняла, что постоянное беспокойство, как ни удивительно, покинуло ее. Жизнь больше не казалась однообразной, а запестрела новыми волшебными красками, ей все стало интересно, дневная рутина превратилась скорее в удовольствие, чем в обязанность. Она повторяла себе все восхитительные и непоследовательные высказывания нового знакомого,

приходя к выводу, что их беседа приятным образом отличалась от церковных дебатов, к которым она привыкла. В капитуле культивировался утонченный вкус, а вторая жена архидиакона написала роман, который обернулся бы страшным позором, если бы не ее особое положение и явные высокоморальные цели. Младшие каноники с энтузиазмом говорили о Королевской академии. Но Герберт рассуждал о книгах и картинах так, словно искусство – это живое существо, необходимое ему как хлеб и вода. А Белла, чувствовала, что ее эстетические взгляды, которые ей привили в качестве элемента хорошего воспитания, были слишком общи и банальны, и она с величайшим интересом слушала его пылкие излияния.

В среду она казалась почти красивой, когда в летнем муслиновом платье и большой шляпе вышла в сад, где под зеленым деревом уже лежали чайные принадлежности. Мисс Ли могла бы саркастически улыбнуться, заметив, с каким старанием дочь декана расставила мебель, чтобы занять наиболее выигрышное положение. Уединенность, спокойная красота сада подчеркивали ребячество Герберта, а его приятный смех, звеня, проникал в самое сердце Беллы. Глядя, как удлиняются тени, они говорили об Италии и Греции, о поэтах и цветах, и наконец, устав от серьезности, они принялись с легким сердцем нести сущую чепуху.

– Знаешь, я больше не могу называть тебя мистером Филдом, – заявила Белла улыбаясь. – Я должна называть тебя Гербертом.

– Если так, то я буду называть тебя Белла.

– Не уверена, что для тебя это обязательно. Понимаешь, я ведь уже почти как древнее ископаемое, так что для меня вполне естественно обращаться к тебе по имени.

– Зато я не могу позволить, чтобы у тебя было передо мной хоть какое-то преимущество. Мы должны оставаться друзьями на равных правах, и меня абсолютно не волнует, что ты старше меня. К тому же в мыслях я всегда называю тебя Беллой.

Она снова улыбнулась, бросив на него нежный взгляд:

– Что ж, полагаю, я должна согласиться.

– Конечно.

Он вдруг схватил обе ее руки и, прежде чем она догадалась, что он собирается сделать, расцеловал их.

– Не делай глупостей! – воскликнула Белла, поспешно вырвав руки, и покраснела до корней волос.

Увидев, как она смутилась, он по-мальчишески расхохотался:

– О, я вогнал тебя в краску!

Его голубые глаза сияли, он был в восторге от своей выходки. Он и не знал, что потом у себя в комнате Белла, чувствуя, как следы от поцелуев до сих пор горят огнем у нее на руках, горько плакала, словно у нее вот-вот разорвется сердце.

4

Когда мисс Ли вошла в гостиную, она обнаружила всегда пунктуального декана, уже одетого к ужину и имевшего безукоризненный вид в шелковых чулках и туфлях с пряжками. Наконец появилась и Белла в печальном великолепии черного атласа.

– Сегодня утром я отправился на Холиуэлл-стрит, чтобы заглянуть в книжные магазины, – сказал декан. – Но Холиуэлл-стрит больше не существует. Лондон уже не такой, как раньше, Полли. Каждый раз, когда я приезжаю, оказывается, что старые здания исчезли, а старые друзья разбрелись кто куда.

Он с тоской размышлял о приятных часах, которые провел, перебирая подержанные книги, когда запах тлеющих переплетов ударял ему в нос. В новых магазинах, куда переехали торговцы-евреи, не чувствовалось той старой пыльной небрежности, полки казались слишком безупречными и аккуратными, а праздного зеваку встречали с куда меньшим радушием.

Доложили о прибытии миссис Барлоу-Бассетт с сыном. Она была высокой представительной женщиной с острым взглядом и уверенной походкой. Ее седые волосы, густые и кудрявые, уложенные в сложную прическу, напоминали о моде восемнадцатого века, а стиль одежды, соответствующий моде того времени, делал ее похожей на натурщицу сэра Джошуа Рейнольдса. Ее движения отличались некой упрямой решительностью, и спину она держала прямо, с изяществом, свойственным женщине, которую воспитывали, когда умение держать осанку еще было частью девичьего образования. Она невероятно гордилась своим сыном, высоким крепким парнем двадцати двух лет, с черными волосами, не менее ухоженными, чем у его матери, и с исключительно красивым лицом. Ширококостный, но не мускулистый, темноволосый, с большими карими глазами, прямым носом, смуглой кожей и полными чувственными губами, он казался невероятно привлекательным и прекрасно об этом знал. Он был добродушным ленивым созданием, апатичным, как гурия, беспринципным и лживым, которого сама мать своим бесконечным восхищением подталкивала к неискренности.

Оставшись вдовой с весьма солидным состоянием, миссис Барлоу-Бассетт посвятила жизнь воспитанию единственного сына, и ей нравилось думать, что до сих пор ей успешно удавалось оберегать его от познания добра и зла. Она хотела, чтобы, помимо матери, он видел в ней друга и наперсника, и хвасталась, что он еще ни разу не скрыл от нее ни один свой поступок и ни одну свою мысль.

– Сегодня вечером я хочу поговорить с мистером Кентом, Мэри, – сказала она. – Он ведь барристер, правда? А мы только что решили: Реджи лучше всего пойти в юристы.

Несмотря на всю красоту военной формы, Реджи не собирался связывать жизнь с армейской карьерой, а также с презрением относился к мысли пойти по коммерческому пути, который позволил его отцу заработать целое состояние. Зато он был готов смириться с юриспруденцией – профессией, более достойной джентльмена. Он смутно представлял, что ему придется посетить еще целое множество скучных ужинов, и эта перспектива его нисколько не беспокоила. И он воображал, как впоследствии, облачившись в парик и мантию, будет разглагольствовать перед присяжными к восхищению всех и вся.

– Вы сядете рядом с Бэзиллом, – ответила мисс Ли. – Фрэнк Харрелл подвинется.

– Уверена, Реджи станет хорошим юристом, и я смогу удержать его подле себя в Лондоне. Знаете, он никогда не доставлял мне хлопот, и иногда я даже горжусь, что сумела воспитать его таким добрым и непорочным. Но мир полон соблазнов, а он невероятно хорош собой.

– Он очень привлекателен, – согласилась мисс Ли, поджав губы.

Она решила, что совсем не разбирается в людях, если Реджи и правда является таким добродетельным существом, как полагает его мать. Чувственность, заметная в выражении его лица, позволяла предположить, что плотские грехи ему не чужды. А лукавый взгляд темных глаз подтверждал, что он не отличается и чрезмерной скромностью.

Бэзил Кент и доктор Харрелл, встретившись на пороге, вошли вместе. Именно Фрэнка Харрелла мисс Ли описала как самого забавного человека из всех ее знакомых. Его широкие плечи и массивный торс казались слишком крупными для его роста, и у него был повод позавидовать длинным ногам Реджи Бассетта; да и лицо его не отличалось красотой: брови казались тяжеловатыми, а челюсть – слишком квадратной, зато глаза были выразительными, порой насмешливыми или суровыми, хотя на некоторых смотрели с невероятной добротой, а в его низком звучном голосе слышалась убедительность, силу которой он прекрасно осознавал. За маленькими черными усами скрывался подвижный красиво очерченный рот и великолепные зубы. Он создавал впечатление сильного человека с непростым характером и явно обладал умением владеть собой. Молчаливый в присутствии незнакомцев, он приводил их в замешательство холодным безразличием, и хотя друзья знали, что на него можно положиться в любой ситуации, и не скупились на похвалу, многие обвиняли его в высокомерии. Чтобы поразить всех и вся, он не особенно старался скрывать нетерпимость к любым проявлениям глупости. Мисс Ли его рассуждения представлялись интересными, однако те, к кому он по какой-то причине не испытывал интереса, находили его рассеянным и нелюдимым.

Он казался человеком исключительно сдержанным, и лишь немногие знали, что за напускным спокойствием Фрэнка Харрелла скрывалась весьма темпераментная натура. Он считал это слабостью и специально натренировался не выдавать своих чувств; но чувства-то остались, бурлящие и переполняющие душу. И он категорически не доверял своим суждениям, которые было так легко увести в сторону с узкой тропинки логики. Он держал рядом с собой часы, которые никогда не переставали тикать, словно он постоянно чего-то ждал,

возможно, освобождения от неких оков. Он чувствовал себя рабом живого воображения и понимал, что все это идет вразрез с наслаждением самой жизнью, которая, если верить его философии, была единственным концом бытия. И все же его страсти носили скорее умственный, чем телесный характер, а его дух постоянно подталкивал плоть к поступкам, в которых он не находил ничего, кроме разочарования. Его главным стремлением был поиск истины, и, к величайшему презрению мисс Ли (ведь она прекрасно себя чувствовала, неизменно в чем-то сомневаясь, и всегда обозначала отношение к жизни легким пожиманием плеч), он стремился к определенности с рвением, которое другие мужчины берегли для любви, или славы, или обогащения. Но все его поиски не увенчались успехом. Убежденный, что после этой жизни его ничего не ждет, он старался максимально использовать каждое ее мгновение.

И все же казалось нелепым, что многочисленные усилия, само течение времени, загадочные совпадения событий, противостояние мира и человека ни к чему не ведут. Он не мог избавиться от мысли, что во всем этом должен скрываться какой-то смысл, и, чтобы отыскать его, изучал различные науки и философию с неистовой страстью, которая показалась бы его коллегам в больнице Святого Луки – достойным специалистам, не видящим ничего дальше предметного стекла микроскопа, – необычной и почти безумной.

Но лишь человек с хорошо развитым воображением мог бы заметить в докторе Харрелле следы внутренней борьбы, в которой было не меньше ярости, чем в неистовом гневе, свойственном людям более практичным. Он был в отличном расположении духа и, пока они ждали остальных гостей, разговаривал с мисс Ли.

– Разве не мило с моей стороны, что я все же пришел? – спросил он.

– Вовсе нет, – ответила она. – Такому жадному человеку, как вы, куда приятнее съесть мой прекрасный ужин, чем довольствоваться плохо прожаренной котлетой в своей съемной квартире.

– Какая черная неблагодарность! Во всяком случае, как гость, приглашенный взамен другого, я не обязан развлекать соседа и могу полностью посвятить себя удовольствию вкусно поесть.

– Вспоминаю одного своего друга... Сорок лет назад люди были не так вежливы и куда более забавны. Когда его соседка по столу сделала одно весьма глупое замечание, он закричал: «Вернитесь лучше к своему супу, мадам!»

– Расскажите мне, кто еще придет, – попросил Фрэнк.

– Миссис Кастиллион, но она безобразно опоздает. Она полагает, это модно, а лондонские аристократы предпринимают все возможные меры предосторожности, чтобы не показаться провинциальными. Еще придет миссис Мюррей.

– Вы до сих пор хотите, чтобы я женился на ней?

– Нет, – со смехом ответила мисс Ли. – Я махнула на вас рукой. Хотя с вашей стороны было некрасиво обзывать меня карманным воришкой за то, что я сватала вам представительную вдову с доходом в пять тысяч в год.

– Только подумайте о невыносимой скуке семейной жизни, и, как бы там ни было, Боже меня упаси от жены-интеллектуалки. Если я вообще когда-то женюсь, то на своей кухарке.

– Лучше вам не повторять мои шутки, Фрэнк... По правде говоря, если я не ошибаюсь, миссис Мюррей решила выйти замуж за нашего друга Бэзила.

– О! – только и ответил Фрэнк.

Мисс Ли заметила, что в его взгляде промелькнула грусть, и пристально на него посмотрела.

– Разве вы не считаете, что для нее это весьма подходящий вариант?

– У меня нет определенного мнения по этому вопросу, – парировал Фрэнк.

– Интересно, что вы хотите этим сказать. Бэзил беден, и привлекателен, и умен, а миссис Мюррей всегда питала слабость к образованным мужчинам. Вот что самое плохое в браке с кавалеристом – начинаешь придавать слишком большое значение уму.

– А капитан Мюррей был полнейшим дураком?

– Мой дорогой Фрэнк, следует спрашивать не о высоком интеллекте военного, а о том, умеет ли он играть в поло. Капитан Мюррей совершил два мудрых поступка в своей жизни: он составил завещание, по которому его жена унаследовала большое состояние, а потом быстро отбыл в места, где глупость, очевидно, не считается недостатком.

Мисс Ли – в целях особого назидания для Беллы – также пригласила самого модного церковника в Лондоне, преподобного Коллинсона Фарли, vicария Церкви всех душ[7 - Церковь всех душ построена в Лондоне в неоклассическом стиле в 1822–1824 гг.] на Гросвенор-сквер, и ее весьма позабавило, какое выражение лица принял презиравший священника Фрэнк Харрелл, когда объявили о прибытии этого джентльмена. Мистер Фарли был человеком среднего роста, с поседевшими волосами с металлическим отливом, которые он тщательно расчесывал, и отличался весьма изящным профилем. Его руки с безупречным маникюром казались изнеженными и красивыми, а пальцы были унизаны дорогими перстнями. Он любил бывать в хорошем обществе и мог позволить себе, повинувшись собственным пристрастиям, тщательно выбирать друзей. Дворянская корона не могла поразить человека, который понимал, насколько бренно земное положение в сравнении с земными богатствами. Бедность он мог простить лишь герцогине, ибо в земляничных листьях[8 - Земляничные листья символизируют титул герцога, что связано с эмблемой в виде земляничных листьев на герцогской короне.], даже пожухших и увядших, которые венком ложатся на покрытое морщинами чело почтенной вдовы, остается нечто, что внушает уважение даже самым дерзким. Его обходительность и умение вести интеллектуальные беседы снискали ему могущественных друзей еще в те времена, когда он был всего лишь пастором в одном графстве. И благодаря их влиянию ему наконец представилась возможность перейти в сферу, где его таланты к общению были оценены по достоинству. Благородство служителя церкви, как грехи отцов, может передаваться вплоть до третьего и четвертого поколения, поэтому очевидно, что человек, дед которого был епископом, не мог жаловаться на отсутствие хороших манер. Есть неотъемлемые качества, которых не отнять у воспитанного человека, который родился в резиденции епископа.

Миссис Кастиллион, которая, по заявлениям хозяйки должна была опоздать больше всех, наконец появилась.

– Надеюсь, я не опоздала, мисс Ли, – сказала она, вытянув обе руки и явно стараясь этим жестом обратить на себя внимание.

– Не особенно, – ответила хозяйка. – Помня о вашей непунктуальности, я предусмотрительно пригласила вас на полчаса раньше всех остальных.

Торжественной процессией компания двинулась в гостиную, и мистер Фарли с удовлетворением осмотрел стол.

– Я всегда полагал, что красиво накрытый стол воистину представляет собой одно из величайших художественных произведений современной цивилизации, – произнес он, обратившись к соседу.

И его взгляд стал блуждать по гостиной, в мебелировке которой он заметил приятную его глазу, но при этом сдержанную роскошь. Мистер Фарли бывал здесь еще во времена мисс Дуоррис и обратил внимание, что ее портрет исчез с привычного места.

– Я вижу, вы убрали ту великолепную картину с изображением бывшей хозяйки этого дома, мисс Ли, – сказал он, изящно махнув рукой и сверкнув кольцами на пальцах.

– Я не могла по три раза в день принимать пищу под ее пристальным взглядом, – ответила хозяйка. – Еще свежи воспоминания о ее ужинах: она кормила меня шелухой и желудями, как блудную дочь, и потчевала описаниями мук, которые ждут меня в загробной жизни.

Декан посмотрел на мисс Ли с ласковым укором. И хотя часто ругал ее за прочитанные книги или легкомысленные речи, он всегда благосклонно относился к иронии, с которой она комментировала его маленькие проповеди.

– Вы совсем немилосердны, Полли, – заметил он. – Конечно, с Элизой было трудно жить, но от других она требовала не меньше, чем от себя самой. Я всегда восхищался ее безупречным чувством долга. Это кажется поразительным в наше время, когда все живут исключительно ради собственного удовольствия.

– Возможно, мы не так добродетельны, как наши отцы, Эджернон, – ответила мисс Ли. – Зато с нами намного легче. В конце концов, сорок лет назад люди вообще были невыносимы: они открыто высказывали свое мнение, что просто отвратительно, отличались мерзейшими характерами и пили намного больше, чем следовало. Я всегда думала, что мой отец являлся типичным представителем той эпохи. Приходя в ярость, он называл это справедливым гневом, а если я делала что-то вопреки его воле, то страдал от «добродетельного негодования». Вы знаете, что до пятнадцати лет мне не позволяли пробовать сливочного масла, так как предполагалось, что это повредит моей фигуре и душе? Я росла исключительно на застывшем жире и Джереми Тейлоре[9 - Джереми Тейлор (1613-1667) – английский священник и писатель, мастер проповеднического красноречия, повлиявший на прозу английского романтизма.]. Мир представал в виде опасного пути, на котором полно капканов и ловушек, а за каждым углом и поворотом вздымаются вулканы, исторгающие едкий дым адского огня.

– Это был век тирании и депрессии, – заявил Фрэнк, – век старых джентльменов, которые отличались властолюбием, и молодых дам, которые падали в обморок.

– Уверена, теперь люди не так добры, как раньше, – сказала миссис Бассетт, бросив взгляд на сына, весьма увлекшегося разговором с миссис Кастиллион.

– Они никогда таковыми и не были, – ответила мисс Ли.

– Людская извращенность могла бы сделать из меня язычника, – вставил декан своим приятным низким голосом, – если бы не противодействующая сила Божественного провидения, что отражается в творениях самой природы.

Тем временем Реджи Бассетт получал от ужина гораздо большее удовольствие, чем рассчитывал. Он обнаружил, что ему досталось место рядом с миссис Кастиллион, и, удобно устроившись, принялся бесстыдно ее изучать. Мельком взглянув на него, она поняла, что мальчик красив, а когда поняла, что у него на уме, решила предоставить ему возможность рассмотреть все свои достоинства, не ограничивая его во времени, и бойко заговорила с другим соседом по столу. В конце концов она повернулась к Реджи.

– Ну и что, вы удовлетворены результатами? – спросила она.

– Чего?

– Вашего осмотра?

Она весело улыбнулась, бросив быстрый и задорный взгляд на него.

– Вполне, – ответил он с улыбкой, ничуть не смутившись. – Моя мать уже думает, что мисс Ли не следовало позволять мне сидеть рядом с вами.

Миссис Кастиллион была энергичным созданием. Маленькая и хрупкая, как статуэтка пастушки из дрезденского фарфора, она обладала живым темпераментом и разговаривала громким визгливым голосом. Одним быстрым резким движением она постоянно откидывалась на спинку стула, чтобы громогласно расхохотаться над словами Реджи. И, обнаружив, что с ней можно зайти очень далеко без риска нанести оскорбление, юный красавец принялся рассказывать ей коротенькие скабрёзные истории низким вкрадчивым голосом, глядя ей в глаза с нахальной дерзостью человека, осознающего свою власть. Это был завораживающий взгляд коварного сердцееда, и такому взгляду бесстыдство лишь придает очарования. Распутница в глубине души чувствует, что скромная претенциозность здесь вовсе ни к чему, и с нескрываемой радостью спускается с пьедестала, на который ее поставили по глупости. У миссис Кастиллион было маленькое худое лицо, покрытое толстым слоем пудры, с довольно высокими скулами, ее волосы, уложенные в затейливую причёску, отличались неестественной белизной, что только придавало Реджи уверенности, ведь он достаточно общался с противоположным полом, чтобы понять: с подобными женщинами гораздо легче наладить контакт, чем с другими. Он нашел свою соседку весьма привлекательной, несмотря на тридцатипятилетний возраст. А несколько потускневший облик худощавой блондинки уравнивался великолепием ее драгоценностей и роскошью платья: вырез был таким глубоким, что Белла, сидевшая на другом конце стола, наивно задавалась вопросом, как оно вообще держится на его обладательнице.

Когда мужчин оставили одних, чтобы покурить, Реджи, налив третий бокал портвейна, подвинул стул ближе к Харреллу.

– Надо же, Фрэнк! – воскликнул он. – Какую милую дамочку посадили рядом со мной, правда?

– Вы никогда раньше не встречали миссис Кастиллион?

– Никогда! Вот это женщина! Удивительно! Я думал, этот ужин будет смертельно скучным: разговоры о политике и религии и прочей ерунде. Мать вечно заставляет меня посещать такие мероприятия, поскольку считает, что здесь ведутся интеллектуальные беседы. Боже мой!

Фрэнк рассмеялся при мысли о том, что миссис Барлоу-Бассетт рассчитывала совсем на другое, принимая предложение мисс Ли.

– Но миссис Кастиллион очень даже ничего, скажу я вам. Настоящая плутовка! И она не возражает против комплиментов... Пожалуй, она совсем не похожа на леди.

– По вашему мнению, это лестный отзыв?

– Так ведь леди весьма скучны, разве нет? Разговариваешь с ними об «Академии»[10 - Один из старейших кинотеатров Лондона, закрыт в 1922 г.] и прочей чепухе, да еще следишь, чтобы не выругаться ненароком. Возможно, леди хороши для брака, но, честное слово, если хочется хорошо провести время, я предпочитаю женщин чуть пониже рангом.

Чуть позже, на лестнице, когда они поднимались в гостиную, Реджи взял Фрэнка под руку.

– Прошу вас, старина, не выдавайте меня, если мама поблагодарит вас, что вы пригласили меня на ужин в субботу.

– Но я вас не приглашал. К тому же я не имею ни малейшего желания ужинать с вами в этот день.

– Боже правый! Вы думаете, я сам горю желанием прийти, чтобы обсуждать жуков и пауков? Не особенно! Я собираюсь поужинать с одной знакомой девчушкой – машинисткой и, по правде говоря, моей сердечной подругой. Восхитительное создание, скажу я вам.

– Я не пойму одного: с какой стати ради вашего желания развлечь молодую даму, работа которой связана с печатной машинкой, я должен подвергать опасности свою бессмертную душу?

Реджи рассмеялся:

– Не будьте ослом, Фрэнк, вы могли бы мне помочь. Вы не представляете, как омерзительно жить с матерью вроде моей. Она всеми силами пытается привязать меня к своей юбке. Заставляет рассказывать ей обо всем, что я делаю, и, конечно, мне приходится сочинять всякую чушь. Хорошо только то, что она готова принять на веру любую ложь, которую от меня слышит.

– Можете врать ей до посинения, – заявил Фрэнк, – но не понимаю, какого дьявола это должен делать я!

– Не будьте чудовищем, Фрэнк. Вы могли бы поспособствовать мне хоть на этот раз. Вы ведь не пострадаете, если скажете ей, что я ужинаю с вами. Недавно вечером, Боже мой!.. Я чуть не попался! Вы знаете, что она всегда ждет меня дома и не ложится спать? Я сказал ей, что буду заниматься допоздна с репетитором, а сам отправился в варьете «Эмпайр». Там я встретил знакомых и немного выпил. Мог бы разразиться скандал, если бы она это заметила, но мне удалось убедить ее, что у меня просто дьявольски болит голова. А на следующий день я услышал, как она рассказывает кому-то, что я чуть ли не трезвенник.

Они дошли до гостиной, и Фрэнк оказался рядом с миссис Бассетт.

– О, доктор Харрелл, – сказала она, – хочу выразить вам огромную благодарность за то, что вы пригласили Реджи на ужин в субботу. Он так много работал в последнее время, что небольшой отдых ему не повредит. А репетитор иногда задерживает его до одиннадцати. Позапрошлой ночью он настолько устал, что, вернувшись, едва смог подняться по лестнице.

– Я просто счастлив, что иногда Реджи находит время поужинать со мной, – ответил Фрэнк довольно мрачно.

– Мне всегда приятно думать, что он с вами. Это так важно, чтобы у молодого человека были действительно надежные друзья, а я уверена, вы оказываете на него положительное влияние.

Услышав это, Реджи с многозначительным видом подмигнул Фрэнку, а потом с легким сердцем возобновил беседу с миссис Кастиллион.

5

Наконец все гости мисс Ли, за исключением Фрэнка Харрелла, пожелали ей спокойной ночи. Он же не собирался последовать их примеру.

– Вы пока не намерены ложиться, правда? – спросила она у декана. – Пойдемте в библиотеку.

Фрэнк взял из ящика трубку и, набив табаком из уже подготовленной табакерки, присел. Мисс Ли, заметив изумление Беллы, объяснила:

– Фрэнк хранит здесь трубку и заставляет меня покупать его любимый табак. Одно из преимуществ старости заключается в том, что можно коротать предрасветные часы в беседах с молодыми мужчинами.

А когда он тоже ушел, мисс Ли, старомодная хозяйка, беспокоившаяся за комфорт своих гостей, проводила Беллу в ее комнату.

– Надеюсь, вам понравился мой маленький прием, – сказала она.

– Очень, – ответила Белла. – Но зачем вы приглашаете миссис Кастиллион? Она ведь такая заурядная...

– Моя дорогая, – с иронией произнесла мисс Ли, – ее муж – весьма важный человек в Дорсетшире, а ее собственной семье посвящена целая страница в «Библии джентльменов» или «Списке поместных дворян».

– Никогда не подумала бы, что она имеет отношение к аристократам, – серьезно сказала Белла. – Мне она показалась очень вульгарной.

– Она действительно очень вульгарная, – согласилась мисс Ли. – Но это такая вульгарность, которую принято считать признаком аристократизма. Разговаривать слишком громко, смеяться, как водитель автобуса, употреблять сленг и вычурно одеваться – все это признаки знатной дамы. На Бонд-стрит я часто встречаю женщин с нарумяненными щеками и крашеными волосами, одетых так, как не осмелилась бы и куртизанка, и узнаю законодателей лондонской моды... Спокойной ночи. Не ждите, что увидите меня за завтраком, эту пищу лишь ангелам небесным следует вкушать в компании.

– Пожалуйста, не уходите. Я хочу знать все о мистере Кенте.

Мисс Ли, последовав примеру подруги, удобно устроилась в кресле. Когда мисс Дуоррис утверждала, что добродетельный человек в целях самодисциплины должен каждый день совершать два действия, которые ему особенно неприятны, мисс Ли беспечно возражала, что она уж точно стоит на пути к вечному блаженству, ибо каждые двадцать четыре часа обязательно делает то, что терпеть не может: встает утром и ложится в постель вечером. Так и сейчас, не торопясь отправляться к себе в комнату, она начала рассказывать мисс Лэнгтон все, что знала о Бэзиле Кенте. На самом деле было неудивительно, что он привлек внимание Беллы, ведь он не только обладал интересной внешностью, но и умудрялся носить традиционную вечернюю одежду англичанина с подобающим изяществом. И все же его романтический образ позволял предположить, что броня флорентийского рыцаря подошла бы ему больше. Он был пропорционально сложен, его ладони – ухожены и аккуратны, а вьющиеся удлиненные каштановые волосы оттеняли красивый цвет лица. Темные глаза, худые щеки и полный чувственный рот, на котором лежала печать некой страстной мечтательности, опять же напоминали о лицах с ранних итальянских полотен, на которых дух, кажется, вечно ведет беспрестанную войну с плотью. Для таких людей земля всегда прекрасна, наполнена любовью и борьбой, поэзией и великолепием голубых небес, но все равно слышится манящий шепот разочарования и веет мрачной тишиной монастыря, даже в красочном вихре королевского двора или загородной резиденции. Никто, глядя на Бэзила Кента, и представить не мог, что его ждет спокойная обеспеченная жизнь. В его карих глазах отражались движения души, одновременно чувственной и аскетичной, импульсивной и рыцарской, и при этом настолько нежной, что все горести и удары судьбы, которым он подвергался, должны были причинять ему двойную боль.

– Так вот, он сын леди Визард, – сообщила мисс Ли.

– Что? – изумилась Белла. – Вы имеете в виду женщину, что участвовала в том отвратительном деле пять лет назад?

– Да. Потом он был в Оксфорде, где они с Фрэнком стали близкими друзьями. Именно через Фрэнка я и познакомилась с ним. Его отец, кузен нынешнего Кента Оусли, умер, когда он был еще ребенком, и Бэзила воспитывала бабушка, потому что его мать вскоре после смерти супруга вышла замуж за лорда Визарда. Она до сих пор привлекательна. А в те времена она была невероятно красива, ее фотографии висели во всех витринах: пора ее расцвета совпала с появлением моды среди молодых мужчин скупать портреты знаменитых красавиц, с которыми они не были знакомы. И скромнейшие из женщин вовсе не стыдились, что их портреты висят в каждом магазине канцелярских товаров или украшают каминную полку платонически настроенного продавца. Тогда подробности жизни леди Визард мгновенно попадали в газеты, которые освещают светскую хронику, а ее модные званые вечера толпами посещали самые известные люди Лондона. Ее всегда можно было увидеть на скачках в толпе поклонников, разумеется, для нее была выделена ложа в опере, а в Хомбурге[11 - Город в Германии.] она привлекала внимание самых августейших особ.

– А мистер Кент когда-нибудь ее видел? – спросила Белла.

– Раньше он проводил с ней часть отпуска, и она поражала его, как поражала и всех остальных. Фрэнк рассказывал мне, что Бэзил просто боготворил мать, он всегда питал страсть к красоте и неизменно гордился ее великолепной внешностью. Раньше я периодически встречала ее на приемах, и она показалась мне одной из самых роскошных женщин, которых я когда-либо видела. У меня такое впечатление, что примерно так должна была выглядеть мадам де Монтеспан[12 - Имеется в виду известная своей красотой фаворитка короля Франции Людовика XIV.].

– А она любила сына?

– По-своему. Естественно, она не хотела, чтобы он крутился подле нее. Она удивительным образом долго сохраняла молодежавый вид. Лорд Визард был младше ее, и ей не особенно хотелось показывать почти взрослого сына. Поэтому она была очень довольна, когда старая миссис Кент, которую она презирала, взялась приглядывать за ним. А когда он приезжал в гости, она наполняла его карманы деньгами, водила в театр каждый вечер и всячески его развлекала. Осмелюсь сказать, она также была довольна его внешностью,

поскольку в шестнадцать он, наверное, уже был красивее греческого эфеба. Но если бы он когда-нибудь проявил признаки чрезмерной привязанности, я сомневаюсь, что леди Визард стала бы его поощрять. После Хэрроу[13 - Имеется в виду школа Хэрроу – элитная частная школа для мальчиков.] он отправился в Оксфорд, и Фрэнк, человек весьма наблюдательный, рассказывал мне, что Бэзил был простодушным мальчиком, до нелепости открытым и честным и никогда не таил секретов от других. Он говорил, не раздумывая, искренне, все, что приходило ему на ум. Разумеется, скандалы долгие годы сопровождали леди Визард. Ее расточительность поражала, хотя Визард не был ни богат, ни щедр. Она делала все, чтобы потратить кучу денег, и ее изумруды явно стоили целое состояние. Даже Бэзил не мог не замечать, сколько мужчин было среди ее друзей, хотя в те редкие недели, которые он проводил с ней и которых ждал с таким нетерпением, она старалась, чтобы он не заметил ничего неприличного. А когда незнакомые джентльмены совали соверены ему в кулак, он клал их в карман, полагая, что сам их заслужил. Ну а теперь я должна идти спать.

Мисс Ли с игривой улыбкой поднялась со стула, но Белла остановила ее:

– Прекратите, Мэри. Вы же знаете, что я хочу услышать конец истории.

– Вы в курсе, что уже второй час ночи?

– Мне все равно, вы должны закончить сейчас.

Мисс Ли, устроив эту маленькую диверсию, снова села и отнюдь не против своей воли продолжила рассказ:

– Единственное, чем кичился Бэзил, – это своей матерью. Он говорил о ней без умолку и невероятно гордился ее успехами в обществе. Он мог бы поставить на кон свою жизнь, ручаясь за безупречность ее репутации, и когда случилось страшное, он был просто раздавлен. Вы помните это дело, одно из тех, которые чопорная английская публика обсуждает с особым восторгом. На каждом столбе повесили объявление, где огромными буквами написали, что на потеху среднему классу в Доме правосудия сейчас идет развод аристократической семьи с участием не менее четырех лиц. Выходило, что лорд Визард, ошарашенный расточительностью жены, в конце концов подал заявление, в котором указал имена лорда Эрнеста Торренса, полковника Руми, мистера Нормана Винна и некоторых других. По-видимому, в последнее время эта пара отнюдь не

наслаждалась супружеским счастьем, так как леди Визард выступила со встречным заявлением, обвинив мужа во флирте с ее собственной горничной и некой миссис Плэттер – дамой, проживавшей в квартире на Шафтсбери-авеню. Обе стороны сражались на этом процессе с величайшей злобой, и целые толпы очевидцев выступили с показаниями, описывая поведение, которое, как по крайней мере хочется верить, нехарактерно для аристократических особ. Но конечно, вы и сами читали обо всем в подробностях в «Черч таймс», Белла.

– Помню, об этом сообщали в «Стандард», – ответила мисс Лэнгтон. – Но я ничего не читала.

– Целомудренное создание! – воскликнула мисс Ли с легкой улыбкой. – Обычный англичанин не смог бы сохранить уважение к титулованным особам, если бы репортажи о бракоразводных процессах не позволяли ему периодически заглядывать в их частную жизнь... В любом случае от обвинений, которые выдвигали друг против друга лорд и леди Визард, волосы очередного сельского главы семейства тут же вставали дыбом.

Мисс Ли сделала паузу, а потом со спокойной решительностью, как будто посвятила размышлению над этим вопросом массу времени и тщательно все взвесила, продолжила:

– Развод, как вы знаете, может идти по одному из двух сценариев. Достойно – это когда обе стороны равнодушны или напуганы, и произносится лишь то, что необходимо, во избежание последующего вмешательства этого нелепого господина – адвоката по делам короны. И недостойно – когда в жажде облить грязью человека, которого когда-то торжественно клялись любить до конца дней, разводящиеся приходят к мысли, что им все равно, сколько помоев выльется на них самих. Леди Визард почитала за правило презирать своих мужей и второго ненавидела гораздо больше, чем первого, поскольку ему не хватило приличия умереть через четыре года после свадьбы. Его скупость, скверный характер, несдержанность проявились и при разводе: он привел слуг и заставил дать показания о весьма интимных привычках жены, предоставил перехваченные письма и вызвал в суд торговцев, которые выставляли ему счета за наряды и драгоценности жены. Лорд Визард нанял умнейших уголовных юристов того времени, и на протяжении двух дней его супруга с удивительной сообразительностью, смелостью и находчивостью терпела перекрестный допрос, который сокрушил бы женщину более слабую. Отчасти потому, что она блестяще выдержала схватку, отчасти потому, что с трудом верилось, будто столь

изумительное создание могло совершить мерзкие поступки, которые ей приписывал муж, но в большей степени потому, что, казалось, у судей не осталось иного выбора, кроме как признать выдвинутые обвинения недоказанными. И леди Визард в некотором смысле осталась хозяйкой положения. Об остальном сами можете догадаться.

- Нет, не могу, Мэри. Продолжайте.

- До Бэзила не долетело ни слова о готовящемся разбирательстве, и он впервые узнал о деле из утренней газеты, которую просматривал за яичницей с беконом. Он не верил своим глазам, и, пока читал статью, его скептицизм сменился испугом, а потом и ужасом. Новости изумили и подавили его. Он вспомнил о сотне мелочей, которым, замечая, не придавал значения, и понял, что его мать ничуть не лучше раскрашенной проститутки, продающей свое тело за пятифунтовую банкноту.

- Но откуда все это знаете вы, Мэри? - с сомнением в голосе спросила Белла. - Вы ведь ничего не придумываете?

- Я читала газеты, - ответила мисс Ли несколько резковато. - Многое мне сообщил Фрэнк, а здравый смысл подсказал остальное. Я смею думать, что отчасти разбираюсь в человеческой натуре, и если Бэзил и не чувствовал всего этого, то должен был. Но я никогда не закончу рассказ, если вы и дальше будете меня перебивать.

- Прошу прощения, - смиренно произнесла Белла. - Умоляю, продолжайте.

- Фрэнк, как вы знаете, немного старше Бэзила, он в то время учился в Оксфорде на бакалавра медицины. Он обнаружил, что бедный мальчик подавлен, охвачен стыдом и мечется как загнанный зверек, который пытается скрыться от посторонних глаз. Но Фрэнк сделан из другого теста - он намного тверже, и ему удалось убедить друга вести себя так, словно ничего не случилось, и даже ужинать в общем зале, как обычно. То, что для одного было не очень сложно, для другого казалось невыносимым. Бэзил воображал, что все таращатся на него, словно на нем надето что-то грязное. Он часто хвалился своей чудесной родительницей и полагал, что теперь все его слова с презрением передаются из уст в уста. Газеты сообщали читателям о продолжении этой поучительной истории, свидетели смаковали позорные подробности, а Бэзил, измученный и

потерявший сон, не мог скрыть своих страданий. Фрэнк поставил перед ним мучительную задачу, которая оказалась выше его сил, и, не сказав никому ни слова, он сбежал в Лондон. После суда он отправился навестить леди Визард, и что случилось потом, я не знаю. Он никогда больше не возвращался в Оксфорд. В то время как раз шел набор в Имперский йоменский полк, и Бэзил, случайно проходя по Сент-Джеймскому парку, увидел, как мужчины тренируются. Он жаждал уехать из Англии, где, как ему казалось, все презирали его, и тут ему представилась такая возможность: он записался в ряды добровольцев и через месяц поплыл на корабле в Южную Африку.

- В качестве рядового? - спросила мисс Лэнгтон.

- Да. Полагаю, он как-то отличился, потому что ему предложили офицерский чин, но он отказался и вместо этого получил орден за боевые заслуги. Он оставался там три года и не возвращался в Англию, до тех пор пока последний отряд йоменов не отправили на родину. Потом он осел здесь, чтобы подготовиться к поступлению в адвокатуру, и в прошлом году получил право адвокатской практики.

- Он видится с матерью, вы не знаете?

- Полагаю, нет. У него есть небольшой доход - около трех сотен в год, и этого как раз хватает на скромное существование. Я думаю, он стал адвокатом для проформы, а на самом деле хочет писать. Едва ли вам доводилось видеть маленький сборник южноафриканских очерков, который он выпустил в прошлом году: впечатления о пейзаже и заметки о местных нравах. Книга не имела особенного успеха, но, на мой взгляд, казалась многообещающей. Я припоминаю описание одной битвы - необычное развитие событий, динамика. Он сейчас работает над романом и, осмелюсь предположить, когда-нибудь напишет весьма умную книгу.

- Думаете, он когда-нибудь добьется известности?

Мисс Ли пожала плечами:

- Знаете, чтобы достичь успеха в литературе, нужно обладать некой грубой силой, которая отражается в стиле письма, а я думаю, у Бэзила этого нет. Чтобы действительно управлять людьми и влиять на них, нужно полностью осознавать

свои намерения. А обрести это понимание можно лишь в том случае, если в тебе осталась частица обыкновенной глины, из которой слеплен человек... Но теперь мне и правда пора спать. Вы такая болтушка, Белла. Держу пари, вы могли бы продержаться меня здесь всю ночь.

Это прозвучало немного жестоко по отношению к Белле, которая за последний час почти не открывала рот.

6

В то самое время, когда две леди обсуждали Бэзила Кента, он сам стоял на мосту над величавыми водами Сент-Джеймского парка и мечтательно созерцал вид, с которым, вероятно, не сравнится ни один из самых прекрасных видов самого прекрасного из всех городов – Лондона: спокойная вода, посеребренная луной, изящные контуры деревьев и здание министерства иностранных дел, помпезное и невозмутимое, образовывали композицию идеальную и не менее продуманную, чем на любой картине Клода Лоррена. Ночь была теплой и благоуханной, небо – чистым, а тишина приносила такое упоение, что, несмотря на суетливое жужжание Пиккадилли, где в этот час царили радость и веселье, оно наводило Бэзила на мысль о спокойном старомодном французском городке. Его сердце билось с неким странным ликованием, ведь наконец он знал наверняка, без всяких сомнений, что миссис Мюррей любит его. Раньше, хотя он и не мог не замечать, что она с удовольствием смотрит на него и с интересом слушает его речи, он не смел надеяться на более теплые чувства. Но когда они встретились тем вечером, он с удивлением заметил, как она покраснела, когда подала ему руку, и от этого кровь прилила и к его щекам. Он повел ее в зал на ужин, и ее пальцы, словно огнем, жгли его руку. Она говорила мало, но вслушивалась в его слова с особым вниманием, как будто старалась отыскать в них скрытый смысл, а когда их взгляды встретились, она чуть не отпрянула от страха. Но в то же время в ее взгляде было странное нетерпеливое томление, словно ей пообещали нечто чудесное и она отчаянно этого ждала, хотя немного боялась.

Бэзил вспоминал, как миссис Мюррей вошла в гостиную и он восхитился ее грациозной осанкой и приятным шелестом ее длинного платья. Она была высокой женщиной, такой же высокой, как он сам, с неким ребячеством в

облике, которое непостижимым образом вплеталось в ее манеру держаться. Ее волосы не были ни темными, ни светлыми, серого цвета глаза лучились нежностью, а улыбка отличалась особенным благодушием, говорившим о хорошем характере. И если в лице и не было явной красоты, то приятное его выражение и бледность кожи создавали вокруг нее ореол пленительной томной грусти, напоминавшей женщин Сандро Боттичелли. Тот же загадочный взгляд печальных глаз, скрывавший неистовые муки. И та самая грациозность движений, которая уж точно была им присуща. Но Бэзила в миссис Мюррей больше всего привлекала покровительственная чуткость, которую он видел в ней. Она как будто была готова оградить его от всех бед. Это вызывало у него одновременно благодарность, гордость и смирение. Он жаждал сжать ее изящные ладони и поцеловать в губы; он уже чувствовал объятия этих длинных белых рук на своей шее, когда она притянет его к своему сердцу с любовью, отчасти материнской.

Миссис Мюррей никогда еще не выглядела прекраснее, чем в тот вечер, когда стояла в холле, держась идеально прямо, и беседовала с Бэзилем в ожидании коляски. У нее был красивый плащ, и молодой человек сделал ей комплимент, а она, чуть вспыхнув от радости, что он обратил на это внимание, опустила глаза на тяжелую парчу, своим великолепием напоминавшую ткани восемнадцатого века с полотен итальянских мастеров.

– Я купила этот материал в Венеции, – сказала она. – Но чувствую, что почти недостойна его носить. Не смогла устоять, поскольку точно из такого же сделано платье, в котором запечатлели Екатерину Корнаро[14 - Екатерина Корнаро (1454–1510) – знаменитая венецианка, супруга короля Иакова II Кипрского.] на портрете в одной из галерей.

– Только вы и должны его носить, – ответил Бэзил, глядя на нее сияющими глазами. – Любую другую затмила бы такая роскошь.

Она улыбнулась и, покраснев, пожелала ему спокойной ночи.

Бэзил Кент сильно изменился с тех времен, когда был беззаботным юнцом, которого Фрэнк знал в Оксфорде. Тогда он бездумно, как лист на ветру, отдавался каждому нахлынувшему чувству. И недолгая депрессия в случае провала предприятия, в котором он был заинтересован, вскоре сменялась

бурной радостью. В те дни жизнь казалась прекрасной и он без запоздалых раздумий мог купаться в ее многоцветий и беспрестанно меняющейся красоте. Уже тогда он ставил перед собой цель писать книги и с плодовитостью и довольно скудной изобретательностью, свойственными молодости, постоянно что-то строчил. Но когда он со стыдом и волнением узнал, что мир груб и жесток, ведь его собственная мать оказалась распутницей, то почувствовал, что никогда больше не сможет ходить с гордо поднятой головой. И все же после первого приступа отвращения Бэзил восстал против своего чувства. Он любил эту несчастную женщину больше всех на свете, и теперь его место уж точно было рядом с ней. Он не желал ни судить ее, ни порицать, а, скорее, помогать и защищать от постыдного унижения. Разве не мог он показать матери, что в жизни есть и более возвышенные материи, помимо восхищения мужчин и развлечений, драгоценностей и красивой одежды? Он решил отправиться к ней и увезти на континент, где они смогли бы спрятаться. Бэзил надеялся найти способ сблизиться с матерью, ведь, несмотря на все свое восхищение, он сильно страдал из-за того, что никогда не мог достучаться до ее души.

Леди Визард проживала в доме мужа на Чарлз-стрит, и примерно в тот день, когда по делу вынесли решение, Бэзил поспешил к ней. Он ожидал, что она будет сидеть у себя в комнате, съезжившись, боясь выйти на свет, вся измученная и в слезах. И его нежное сердце, переполненное одной лишь жалостью, начинало кровоточить, когда он думал о ее горе. Он хотел пойти к ней, и поцеловать, и сказать: «Вот я, мама. Давай уедем вместе туда, где сможем начать новую жизнь. Мир огромен, где-то найдется место и для нас. Я люблю тебя как никогда и постараюсь быть тебе хорошим и верным сыном».

Бэзил позвонил, и дверь открыл дворецкий, которого он знал долгие годы.

– Можно ли увидеть ее светлость как можно скорее, Миллер? – спросил он.

– Да, сэр. Ее светлость до сих пор на обеде. Извольте пройти в столовую.

Бэзил шагнул вперед и тут же заметил несколько шляп на столике в коридоре.

– Здесь гости? – осведомился он удивленно.

Но прежде чем дворецкий успел ответить, из соседней комнаты послышался громкий смех. Бэзил вздрогнул, как будто его ударили.

– У ее светлости прием?

– Да, сэр.

Бэзил в ужасе уставился на дворецкого, не в состоянии понять, что происходит. Он хотел бы расспросить его, но стыдился. Все это казалось слишком чудовищным, чтобы быть правдой. Само присутствие этого слуги было возмутительно, ведь он тоже давал показания на омерзительном суде. Как могла мать спокойно смотреть на льстивое раболепное лицо Миллера? Дворецкий, заметив беспокойство в глазах молодого человека и его бледность, отвернулся с едва заметным неудовольствием.

– Передайте, пожалуйста, ее светлости, что я здесь и хотел бы поговорить с ней. Я пройду во вторую гостиную. Я полагаю, там больше никто не появится?

Бэзил прождал четверть часа, прежде чем услышал, как дверь столовой открылась и несколько человек, громко переговариваясь и смеясь, стали подниматься по лестнице. Потом зазвенел голос его матери, он звучал четко и уверенно, как всегда.

– Вы все должны удобно устроиться. Мне нужно кое с кем поговорить, и я не разрешаю никому из вас выходить отсюда, пока я не вернусь.

Через мгновение появилась леди Визард. Улыбка еще играла у нее на губах, и подозрения, которые Бэзил все это время гордо отметал прочь, сменились полной уверенностью. Казалось, его мать ничуть не подавлена и не сконфужена, напротив, отлично владеет ситуацией. В ней было не меньше стати и гордости, чем в последний раз, когда они виделись. Он ожидал обнаружить мать во власянице на руинах былой жизни, но нет: она красовалась в платье Пакен[15 - Имеется в виду Жанна Пакен (1869–1936), одна из первых французских модельеров.], отличавшемся невиданной броскостью, которую могла позволить себе лишь она. Смуглая, с огромными сверкающими глазами и великолепными волосами, она едва не шокировала своей экстравагантной яркостью и обилием самых разных оттенков, словно какая-нибудь цыганка королевских кровей. Ее рост был необычен, фигура – роскошна, и, умея блестяще себя подать, она передвигалась с величием восточной королевы.

– Как мило, что ты приехал, мой дорогой мальчик! – воскликнула она с улыбкой, обнажившей ее красивые зубы. – Полагаю, ты хочешь поздравить меня с победой. Почему же ты не зашел в столовую? Там было так весело. И тебе в самом деле пора немного decrasser[16 - Обтесаться (фр.)]. – Она подставила Бэзилу щеку для поцелуя (разумеется, только этого и следовало ожидать от любящей, но при этом современной матери), но он отстранился. Даже его губы побледнели.

– Почему ты не сказала мне, что процесс заканчивается? – резко спросил он.

Леди Визард усмехнулась и взяла сигарету.

– Voyons, mon cher[17 - Да ладно, мой дорогой (фр.)], на самом деле я решила, что это тебя не касается.

Закурив, она выпустила в воздух два идеальных кольца дыма и принялась наблюдать за сыном с неким высокомерным изумлением.

– Не ожидал, что сегодня ты устроишь праздник.

– Друзья настояли, к тому же мне надо было как-то отметить свой триумф. – Она легко рассмеялась. – Mon Dieu![18 - Боже мой! (фр.)] Ты и не представляешь, насколько я была близка к гибели. Ты читал о моем перекрестном допросе? Только он меня и спас.

– Спас от чего?! – с яростью воскликнул Бэзил, и две суровые морщины пролегли между его бровями. – Он спас тебя от позорного бесчестья? Да, я прочел каждое слово. Сначала не мог поверить, что все это правда.

– Et après?[19 - А потом? (фр.)] – спокойно спросила леди Визард.

– Но это оказалось правдой, и нашлось не менее дюжины человек, которые все подтвердили. О Боже, как ты могла?! Я восхищался тобой больше, чем кем-либо другим... Я подумал о твоём позоре и пришел, желая помочь тебе. Разве ты не осознаешь весь ужас бесчестья? О мама, мама, ты не можешь продолжать в том же духе! Бог свидетель, я не хочу тебя обвинять. Поедем со мной, отправимся в Италию и начнем все заново...

Его пламенная речь в самом разгаре была прервана изумленным холодным взглядом леди Визард.

– Но ты говоришь так, словно я разведена. До чего же нелепо ты себя ведешь! Даже в этом случае, возможно, было бы лучше ненадолго уехать, но и то я приняла бы это с гордо поднятой головой. Ты действительно думаешь, что я сбегу сейчас? *Pas si b?te, mon petit!*[20 - Как бы не так, мой маленький! (фр.)]

– Ты хочешь сказать, что останешься здесь, теперь, когда каждый знает, что ты собой представляешь, когда каждый будет указывать на тебя пальцем на улице и нашептывать остальным все новые и новые грязные подробности? И какими бы грязными они ни были, все это будет правдой.

Леди Визард пожала плечами.

– *Oh, que tu m'assomes!*[21 - О, как же ты мне надоел! (фр.)] – презрительно бросила она, справедливо гордясь своим французским произношением. – Плохо ты меня знаешь, если считаешь, что я буду прятаться в каком-нибудь захолустном континентальном городке или пополню ряды дам с подпорченной репутацией в *declassée*[22 - Деклассированном (фр.)] обществе Флоренции. Я собираюсь остаться здесь. Буду появляться везде, буду посещать каждый спектакль в театре и опере, ходить на скачки и так далее. У меня есть хорошие друзья, которые меня поддержат, и ты увидишь, что через пару лет я смогу все преодолеть. В конце концов, я сделала ненамного больше, чем все остальные, а если какой-то *bourgeois*[23 - Буржуа, господин (фр.)] узнал обо мне то, чего не знал раньше, то *je m'en bats l'oeil*[24 - Меня это нисколько не волнует (фр.)]. Я избавилась от этой свиньи – моего мужа, и только ради этого стоило пройти через суд. В конце концов, он знал, что происходит. Он напал на меня лишь потому, что его испугали мои расходы.

– И тебе не стыдно? – тихо спросил Бэзил. – Ты ни о чем не жалеешь?

– Раскаиваются только глупцы, мой дорогой. А я никогда в жизни не делала ничего, что не повторила бы еще раз, за исключением браков с двумя своими мужьями.

– И ты собираешься остаться здесь, как будто ничего не произошло?

– Не глупи, Бэзил, – устало ответила леди Визард. – Конечно, я не собираюсь жить в этом доме. У Эрнеста Торренса есть миленькая лачужка на Керзон-стрит, и он предложил сдать ее мне.

– Но ты ведь не примешь от него такое предложение, мама. Это было бы слишком вызывающе. Ради Бога, прекрати общаться с этими мужчинами.

– Но не могу же я бросать старого друга лишь потому, что мой муж вызвал его в суд как соответчика.

Бэзил подошел к ней и положил руки ей на плечи:

– Мама, не может быть, чтобы ты говорила это серьезно. Осмелюсь признать, что я недалек, неловок и не могу как следует облечь свои мысли в слова. Видит Бог, я не хочу читать тебе нравоучений, но разве понятия чести и долга, чистоты и непорочности, да и другие – пустой звук? Не будь так жестока с самой собой. Какое имеет значение, что говорят люди? Забудь об этом, и давай уедем отсюда.

– *T'es ridicule, mon cher*[25 - Ты выглядишь нелепо, мой дорогой (фр.)], – сказала леди Визард и помрачнела. – Если ты не можешь предложить больше ничего интересного, то давай отправимся в гостиную... Ты идешь? – Она направилась к двери, но Бэзил ее перехватил.

– Ты никуда не пойдешь. Я все-таки твой сын, и ты не имеешь права себя позорить.

– И что же ты сделаешь, скажи на милость?

Леди Визард улыбнулась, но эта улыбка была последней попыткой скрыть охвативший ее гнев.

– Не знаю, но я что-нибудь придумаю. Если тебе недостает чести, чтобы защитить себя, тогда это сделаю я.

– Ты, нахальный мальчишка, да как ты смеешь разговаривать со мной в таком тоне?! – возмутилась леди Визард, повернувшись к нему. Глаза ее сверкали. – И чего ты надеешься добиться, когда приходишь сюда и меня поучаешь? Ты

несчастный зануда! Я думаю, это у тебя в крови, ведь твой отец еще до твоего появления на свет был занудой.

Бэзил смотрел на нее, и гнев затмевал все другие его чувства: жалость уже испарилась, и он не пытался скрыть негодование.

– О, как же глуп я был, что верил в тебя все эти годы! Я готов был поставить жизнь на то, что ты чиста и невинна. А теперь, когда читаю все эти газеты, где говорится, что присяжные сомневались, я точно знаю: все было правдой.

– Конечно, правдой! – дерзко выкрикнула она. – Каждое слово, но они не могли этого доказать.

– А теперь мне стыдно думать, что я твой сын.

– Тебе и не надо иметь со мной никаких дел, мой хороший мальчик. У тебя есть собственный доход. Ты полагаешь, мне нужен бестолковый, плохо воспитанный дурачок, который будет цепляться за мою юбку?

– Теперь, когда я знаю, какая ты на самом деле, ты приводишь меня в ужас. Я надеюсь, что никогда больше тебя не увижу. Лучше бы моя мать была нищенкой на улице, чем такой, как ты!

Леди Визард дернула шнурок звонка.

– Миллер, – произнесла она, когда появился дворецкий, словно забыла о присутствии Бэзила. – Мне понадобится экипаж в четыре часа.

– Прекрасно, моя леди.

– Вы же знаете, что сегодня я ужинаю не дома, правда?

– Да, моя леди.

Потом она сделала вид, будто вспомнила о Бэзиле, который молча наблюдал за ней, побледнев. Он едва сдерживался.

– Можете проводить мистера Кента к выходу, Миллер. А если он вдруг заглянет снова, скажите, что меня нет дома.

С оскорбительным высокомерием она смотрела на него, когда он уходил, и снова осталась хозяйкой положения.

Затем были три года на мысе Доброй Надежды, потому что Бэзил, не желая возвращаться в Англию, остался там по истечении года службы в армии. Сначала стыд казался невыносимым, и он размышлял об этом день и ночь. Но когда он уехал далеко от Европы, когда наконец ступил на африканскую землю, нести бремя бесчестия стало не так тяжело. Его эскадрон быстро отправили в глубь страны, и тяжелые условия жизни облегчили страдания его воспаленного ума. Рутинная воинская служба, долгие переходы, волнение и новизна утомляли его, так что он спал со спокойствием, которого никогда прежде не знал. А потом началась изнурительная война с ее скучной монотонностью, он мучился от голода и жажды, потом от жары и холода. Но все это сближало его с сослуживцами, которых он поначалу сторонился. Он был тронут их грубоватым добродушием, их желанием помочь друг другу и сочувствием, с которым они обращались к нему, когда он недомогал. Его горькое разочарование в людях стало слабеть, когда он увидел, как можно общаться на фоне настоящих трудностей. А когда наконец Бэзил попал на поле боя, хотя ждал этого с ужасным беспокойством, опасаясь, что может струсить, он ощутил невероятный душевный подъем, благодаря которому жизнь показалась ему почти прекрасной. Ибо тогда порок, и аморальность, и уродство исчезали, а люди стояли один за другого с первобытной яростью, кровь огнем жгла их вены, а смерть бродила между сражающихся жертв. А там, где смерть, нет места ничему мелочному, грязному или подлому.

Но наконец Бэзилу стало ясно, что невозможно вечно скрываться. Для людей с такими данными, как у него, на мысе не было особых возможностей развернуться, и он принял решение вернуться в Лондон с гордо поднятой головой и уже там показать, из какого он теста. Он чувствовал себя более уверенно, потому что знал, что легко сможет перенести усталость и нужду. А орден у него на груди подтверждал, что храбрости у него хватало с избытком.

Вернувшись наконец в Лондон, он поступил в «Линкольнз инн»[26 - Один из четырех «Судебных иннов», названный по имени первого владельца здания инна Томаса де Линкольна. Каждый барристер должен вступить в одну из четырех

юридических корпораций: «Линкольнз инн», «Грейс инн», «Миддл-Темпл» или «Иннер-Темпл».] и, пытаясь организовать издание небольшой серии очерков, написанных во время войны, усиленно осваивал право. Хотя буря, которую ему пришлось пережить, сделала его несколько молчаливым и склонным к рефлексии, в глубине души Бэзил оставался не менее открытым и оптимистичным, чем раньше, и он вступил в этот новый период жизни с пылкими надеждами. Но иногда комнаты в Темпле[27 - Район в Лондоне, где находятся инны.] казались очень одинокими. Он был мужчиной, который жаждал, чтобы вокруг царил домашний уют, чтобы о нем заботились женские руки, чтобы слышался шелест платья или ласковый голос, этого требовал его характер. А теперь казалось, последняя горечь, оставшаяся в его жизни, скоро рассеется, ведь миссис Мюррей могла подарить ему нежность, в которой он так нуждался. И он искал поддержки в ее силе.

Теперь на мосту, размышляя дальше, Бэзил вдруг нахмурился, вспомнив одну вещь, о которой совершенно забыл, окрыленный радостными мыслями о миссис Мюррей. Покинув мост, он побрел к более темной Молл-стрит, сцепив руки за спиной. И еще долго он расхаживал под сенью деревьев, озадаченный и подавленный. Было очень поздно, и на улицах почти никого не было. На скамейках спали бездомные, съездившись в нелепых позах, а полицейский тихо обходил их позади.

Пару месяцев назад Бэзил, вместо того чтобы пообедать у себя, случайно заглянул в паб на Флит-стрит и там за стойкой бара увидел молодую девушку, изумительная красота которой тут же привлекла его внимание. Ее свежесть особенно очаровывала в этом безвкусном месте, сером от лондонского смога, несмотря на кричащую яркость внутреннего убранства. И хотя он не был человеком, любившим посплетничать с официантками в баре за бокалом напитка, в этом случае он не смог удержаться, чтобы не отпустить какое-нибудь банальное замечание. На это девушка ответила довольно дерзко (очевидно, паб – лучшая школа, где обучают остроумию), а ее задорная улыбка прибавила колдовского обаяния миловидному лицу. Заинтересованный и немного взволнованный, ибо не было на земле человека, на которого абсолютная красота могла произвести большее впечатление, Бэзил сообщил Фрэнку Харреллу, тогда еще проживавшему по месту работы, в больнице Святого Луки, что он обнаружил самую прекрасную женщину на Флит-стрит. Врач посмеялся над восторгом друга, и однажды, когда они проходили мимо, Бэзил, чтобы оправдаться, потребовал зайти в «Голден краун». Потом раз или два он забежал туда один, и девушка за стойкой, начав узнавать его, по-дружески кивала ему. Бэзил всегда отличался любовью к романтическим фантазиям, и его

воображение быстро наградило хорошенькую девушку причудливыми достоинствами: он возвеличил ее профессию, вернувшись в прошлое и представив ее чистенькой горничной, стелившей постель кавалеристам и воинам. Она была Гебой, наливавшей нектар бессмертным богам. А когда он поведал об этом самой девушке, присовокупив к рассказу и другие фантастические домыслы, она покраснела, чего никогда не случалось, когда она слышала более простые комплименты от завсегдатаев бара – ее постоянных поклонников. Бэзил подумал, что в жизни не видел ничего более пленительного, чем этот румянец на ее щеках.

А потом он начал посещать «Голден краун» еще чаще – во время вечернего чая, когда там было меньше людей. Они сдружились и обсуждали погоду, посетителей и главные новости дня. Бэзил обнаружил, что с огромным удовольствием проводит по полчаса в ее компании. И вероятно, ему немного льстило, что девушка за стойкой придает большее значение общению с ним, чем с другими претендентами на ее внимание. Однажды во второй половине дня, явившись чуть позже обычного, он с восторгом отметил, как она просияла, едва он ступил на порог.

– Я уж боялась, что вы не придете, мистер Кент.

Теперь она обращалась к нему по фамилии, а он знал, что ее зовут Дженни Буш.

– А вы расстроились бы, если бы я не пришел?

– Немного.

В этот момент вторая официантка паба «Голден краун» подошла к ней:

– Сегодня ведь у тебя выходной, Дженни?

– Да, именно так.

– Что собираешься делать?

– Не знаю, – сказала она. – Пока я еще ничего не планировала.

Вошел посетитель, и подруга Дженни пожала ему руку.

- Полагаю, вам как обычно? – спросила она.

- Не хотите сходить со мной на пьесу? – быстро поинтересовался Бэзил. – Сначала мы немного перекусим, а потом отправимся куда захотите.

Идея пришла ему на ум внезапно, и слова вылетели, прежде чем он успел все обдумать. Глаза Дженни засверкали от удовольствия.

- О, думаю, мне это понравится! Приходите за мной в семь, ладно?

Но потом вошел невысокий довольно развязный молодой человек с явно вставными зубами. Бэзил слышал, что он помолвлен с Дженни, и часто видел, как он сидел у бара, бросая на нее полные любви взгляды и выпивая бесчисленное количество стаканов виски с содовой.

- Пойдем сегодня на ужин, Дженни? – спросил он. – Я закажу для тебя место в «Тиволи»[28 - Лондонский концертный зал, на месте которого позже появился кинотеатр. Здание было разрушено в 1957 г.], если хочешь.

- Боюсь, сегодня вечером у меня не получится, Том, – ответила она, вспыхнув. – У меня другие планы.

- Что еще за планы?

- Один друг пообещал сводить меня в театр.

- Это еще кто? – удивился мужчина, приняв угрожающий вид.

- А это уже мое дело, правда? – ответила Дженни.

- Что ж, если ты мне не скажешь, то я уйду.

- Я тебя не задерживаю.

- Только подай мне стаканчик шотландского виски с содовой. И побыстрее.

Мужчина говорил дерзко, желая напомнить Дженни, что она находится тут, чтобы выполнять его заказы. Бэзил побагровел и уже собрался дать наглецу гневную отповедь, намекнув, что следовало бы вести себя вежливее, но Дженни остановила его взглядом. Не говоря ни слова, она подала Тому то, что он просил, и все трое продолжали молчать.

Наконец Том осушил стакан и зажег сигарету. Он с подозрением осмотрел Бэзила и открыл было рот, чтобы сделать замечание, но, поймав его невозмутимый взгляд, передумал.

- Тогда спокойной ночи, - сказал он Дженни.

Когда он ушел, Бэзил спросил ее, почему она не порвала с ним. Это было бы лучше, чем без конца ссориться с возлюбленным.

- Мне все равно, - ответила Дженни. - Меня уже почти тошнит от его чванливости. Я пока не вышла за него замуж, и если он даже сейчас не позволяет мне делать то, что мне хочется, то пусть убирается.

Они поужинали в ресторане в Сохо, и Бэзил, будучи в прекрасном расположении духа благодаря этому маленькому приключению, забавлялся, когда видел восторг девушки. В душе он радовался, что доставил ей такое удовольствие, и его самолюбие уж точно не ущемляло внимание других посетителей, которое они обращали на красивую Дженни. Она оказалась весьма застенчива, но когда Бэзил старался развеселить ее, очень мило смеялась и краснела. Ему на ум пришла мысль, что у нее не только приятная внешность, но и прекрасный характер. Он мог бы поделиться с ней новыми идеями и взглядами на красоту жизни, которую она никогда прежде не знала. На ней была шляпа, а на нем - парадный костюм, так что они сели в заднем ряду бельэтажа концертного зала. Но даже это казалось неслыханной роскошью для Дженни, привыкшей к местам на галерке. В конце представления она повернулась к нему с сияющими глазами.

- О, мне так понравилось! - воскликнула она. - Выходить в свет с вами гораздо лучше, чем с Томом. Он всегда пытается сэкономить.

Они доехали на наемном экипаже до «Голден краун», где Дженни снимала комнату вместе с другой официанткой.

– Вы согласитесь сходить со мной куда-нибудь еще раз? – поинтересовался Бэзил.

– С удовольствием. Вы так сильно отличаетесь от других мужчин, которые приходят в бар. Вы джентльмен и относитесь ко мне так, словно я леди. Вот почему вы мне сразу понравились: вы не вели себя так, словно я комок грязи, вы всегда называли меня «мисс Буш».

– Мне гораздо больше нравится называть тебя «Дженни» и на ты.

– Что ж, так тоже можно, – ответила она, улыбнувшись и покраснев. – Все эти парни, которые торчат в баре, думают, будто могут делать со мной что угодно. Вы никогда не пытались поцеловать меня, как они.

– Но не потому, что мне этого не хотелось, – со смехом ответил Бэзил.

Она не ответила, лишь с улыбкой посмотрела на него, и в ее глазах светилась нежность. Он был бы глупцом, если бы не увидел в этом предложении приступить к решительным действиям. Он обвил руку вокруг ее талии и прикоснулся к губам, но изумился открытой покорности, с которой она приняла его объятия. Мимолетное напряжение вылилось в поцелуй столь страстный, что Бэзил ощутил дрожь в руках и ногах. Экипаж остановился у паба «Голден краун», и он помог Дженни выйти.

– Спокойной ночи.

На следующий день, когда он пришел в заведение, Дженни залилась ярким румянцем, но встретила его, как близкого человека, что в его мире, полном одиночества, было очень приятно. Ему доставляло исключительное удовлетворение сознавать, что кто-то наконец им заинтересовался. Свобода просто прекрасна, но иногда выпадают моменты, когда человек начинает ждать, чтобы в его жизни появился кто-то, кого его появление и уход, здоровье и болезнь не оставили бы равнодушным.

- Посиди еще, - попросила Дженни. - Я хочу кое-что тебе рассказать.

Он подождал, пока бар не опустеет.

- Я разорвала помолвку с Томом, - объявила она позже. - Вчера вечером он ждал на другой стороне улицы и видел, как мы вышли из паба вместе. Сегодня утром он пришел и набросился на меня. Я сказала, что если ему что-то не нравится, - скатертью дорога. А потом он стал говорить гадости, и я дала ему понять, что больше не хочу иметь с ним ничего общего.

Какое-то время Бэзил молча смотрел на нее.

- Но разве он тебе не нравится, Дженни?

- Нет. Видеть его не могу. Раньше он был мне симпатичен, вполне. Но теперь все иначе. Я рада, что избавилась от него.

Бэзил не мог не понимать, что именно по его милости она разорвала помолвку. Он ощутил непривычное волнение человека, получившего власть, и его сердце забилось с ликованием и гордостью, но в то же время он опасался, что может навредить Дженни.

- Мне очень жаль, - пробормотал он. - Боюсь, я доставил тебе неприятности.

- Ты ведь не перестанешь сюда приходить из-за этого? - спросила она, с беспокойством вглядываясь в его лицо.

Сначала ему подумалось, что лучше всего для них будет расстаться прямо сейчас, но не мог допустить, чтобы по его вине омрачился этот прекрасный взгляд, и когда увидел слезы в ее глазах, тут же отказался от этой мысли.

- Нет, конечно, нет. Если тебе нравится меня видеть, я буду только рад приходить.

- Пообещай, что будешь приходить каждый день.

- Я буду приходить так часто, как только смогу.

- Нет, это не дело. Ты должен приходить каждый день.

- Ладно, договорились.

Его тронула пылкость Дженни, вероятно, он был просто глупцом, раз не замечал, как много значит для нее. И несмотря на собственную склонность к самоанализу, он никогда не спрашивал себя, что чувствует к ней сам. Бэзил хотел оказать на нее хорошее влияние и клялся, что никогда не допустит, чтобы общение с ним хоть как-то повредило ей. Она совершенно не отвечала его представлениям об обычной официантке, и он считал, что ей легко будет привить идею личного достоинства. Он попробовал бы избавить ее от этой весьма отупляющей работы и подобрать для нее место, где ей было бы легче чему-то учиться: по натуре, несмотря на три года, проведенные в «Голден краун», она оставалась очень наивной, но в таком окружении она не могла сохранять чистоту до бесконечности, и их дружба обрела бы смысл, если бы он смог направить ее в нужное русло, чтобы она зажила более интересной жизнью. Плодом таких размышлений стало то, что Бэзил в итоге взял себе за правило водить Дженни в ресторан и театр, когда она была свободна по вечерам.

Что же до нее, она никогда еще не встречала человека, подобного молодому барристеру, поражавшему ее учтивостью манер и темами разговоров. Хотя Дженни часто не понимала, о чем он говорит, ей все же льстило его внимание, и весьма по-женски она делала вид, будто прекрасно разбирается в вопросе, а Бэзил думал, что она образованнее, чем на самом деле. Поначалу ее пугала его серьезная почтительность, ведь она привыкла к гораздо меньшему уважению, а он и к герцогине не мог бы обратиться с большей вежливостью. Но постепенно восхищение и восторг переросли в любовь, а после – в слепое обожание, на которое Бэзил вовсе не рассчитывал. Дженни недоумевала, почему после того первого вечера он ни разу не поцеловал ее, а лишь протягивал руку на прощание. За три месяца она продвинулась лишь до того, чтобы обращаться к нему просто по имени.

Наконец наступила весна. На Флит-стрит и Стрэнде цветочницы продавали яркие весенние цветы, и их корзины яркими пятнами раскрашивали суетливую серость города. Порой выдавались дни, когда будто само дыхание деревенской природы, мягкое и добродушное, вторгалось на оживленные улицы, ободряя усталые сердца горожан, утомленных долгой монотонной работой; небо было голубым, и это было то же самое небо, что и над зелеными лугами и деревьями,

распускаясь листья. Иногда на западе стаи облаков, светящиеся в лучах солнца, наплывали друг на друга, и на закате, розовые и золотые, они заполняли улицы своим блеском, так что туманная дымка обретала великолепные переливы и сердце билось в восторженном восхищении этим замечательным городом.

Как-то теплым майским вечером, когда воздух был приятным и благоуханным, а тяжелая походка становилась летящей и усталость отступала, сменяясь странной грустной веселостью, Дженни ужинала с Бэзилем в маленьком ресторанчике в Сохо, где теперь их хорошо знали. Потом они отправились в концертный зал, но шум и блеск этого прекрасного вечера оказались невыносимы. Умиротворяющая темнота зелени манила их, и Бэзил вскоре предложил уйти. Дженни с облегчением согласилась, потому что певцы оставляли ее равнодушной, а странное чувство томления, которого она раньше не знала, заставляло сердце биться чаще. Когда они вышли в ночь, она посмотрела на Бэзила широко раскрытыми глазами, в которых причудливо сочетались страх и какая-то первобытная отвага.

- Пойдем на набережную Виктории, - прошептала она. - Там сейчас тихо.

Они смотрели на тихо бегущую реку и магазины со стороны Суррея, неровной кромкой выступающие на фоне звездного неба. В одном из них светилось окно и придавало всему квадратному массиву потертого кирпича загадочный облик, словно намекая на какую-то зловещую историю о необузданной страсти и злодеяниях. Был отлив, и у каменной стены обнажилась длинная полоса блестящего ила, но мост Ватерлоо с его легкими арками выглядел удивительно элегантно, а его фонари, желтые и белые, причудливо отражались в воде. Поблизости, смутно очерченные лучами своих красных ламп, покачивались три пришвартованные баржи. И в них ощущалось некое странное волшебство, ведь, несмотря на то что сейчас стояли пустые, они напоминали о тяжелой жизни, и страсти, и труде. При всей неряшливой грубости было нечто романтическое в негибимых сильных мужчинах, которые останавливались там, на широкой реке, и дрейфовали в вечном паломничестве по соленому морю и неизвестности.

Бэзил и Дженни медленно брели к Вестминстерскому мосту, и огни набережной Виктории извилистой линией отражались в воде, так что в реке трепетал целый лес огненных столпов, на которых мог бы вырасти загадочный невидимый город. Но короткая прогулка утомила их, и хотя вечер был напоен сладким ароматом весны, ноги словно налились свинцом.

– Я не смогу пойти обратно, – призналась Дженни. – Слишком устала.

– Давай возьмем экипаж.

Бэзил остановил проезжавшую мимо двуколку, и они сели. Он назвал адрес «Голден краун» на Флит-стрит. Они молчали, но эта тишина была значительнее всех сказанных ими слов. В конце концов не своим голосом, словно повинуюсь чьему-то приказу, Дженни вдруг спросила:

– Почему ты ни разу не поцеловал меня с того первого вечера, Бэзил?

Она не смотрела на него, а он не подал вида, что слышал, но она ощутила его дрожь. Она почувствовала жар и сухость в горле, и ее охватило ужасное беспокойство.

– Бэзил! – хрипло произнесла она, требуя ответа.

– Потому что я не осмеливался.

Теперь она могла сосчитать удары этого мучителя в ее груди, а извозчик, казалось, гнал, будто бы на спор. Они пронеслись мимо набережной Виктории, вокруг стояла кромешная тьма.

– Но я хотела, чтобы ты это сделал, – яростно заявила она.

– Дженни, давай обойдемся без глупостей.

Слова вырвались, словно вопреки воле, и он, поддавшись могущественной силе и даже не договорив, бросился искать ее губы. А поскольку он так долго сдерживался, их сладость оказалась сладкой вдвойне. Со сдавленным стоном, как дикое животное, она обвила его руками, и нежное благоухание ее тела заставило забыть обо всех мыслях, кроме одной: не обращая внимания на прохожих, он жадно прижимал ее к сердцу. Он сходил с ума от ее великолепной податливой красоты и страсти, с которой она сдавалась ему, сходил с ума от этого бесконечного поцелуя, ибо никогда в жизни не испытывал большего наслаждения. И его сердце трепетало, как лист трепещет под порывами ветра.

– Ты поедешь ко мне домой, Дженни? – прошептал он.

Она не ответила, но придвинулась ближе к нему. Он приподнял шторку коляски и приказал извозчику ехать в Темпл.

Целую неделю или даже месяц, чувствуя себя сильнее и храбрее благодаря женской любви, Бэзил пребывал в восторженном экстазе. Он смотрел на мир с большей уверенностью, а жизнь обрела духовное начало и мощь, до сих пор ему совершенно неведомые. Но со временем романтическое приключение стало походить на несколько вульгарную интрижку, и, вспоминая о своем идеале бытия, чистого и безупречного, посвященного благородным целям, Бэзил испытывал стыд. Его любовь была не более чем мимолетной прихотью, которая погибает, как только желание удовлетворяется, но он с ужасом понимал, что Дженни отдала ему тело и душу. С ее стороны это была бессмертная страсть, по сравнению с которой его привязанность казалась холодностью. Каждый день раздувал пламя в ее сердце еще сильнее, так что она больше не мыслила своей жизни без него. И если он случайно оказывался слишком занят для встречи, от нее приходило взволнованное письмо, жалкое из-за ошибок и нескладных фраз. Она умоляла навестить ее. Дженни была требовательна, и он покорно приходил в «Голден краун» каждый день, хотя паб стал еще более отвратительным. Девушка была совсем необразованна, и вечера, которые они проводили вместе (теперь вместо походов в театр в свободное время Дженни оставалась у Бэзила), стали для него невыносимо скучными. Иногда он обнаруживал, что поддерживать с ней разговор – дело непростое.

Он осознал, что с ног до головы закован в кандалы, которые давят нестерпимо, ибо состоят лишь из страха причинить боль. Он был человеком, которого беспокоило бремя таких неподобающих отношений, поэтому спрашивал себя, что может положить им конец. Десяток раз Бэзил принимал решение порвать с Дженни, но в последний миг, когда видел, насколько она зависит от его любви, не мог набраться смелости. И так полгода длилась их связь, опустившаяся до уровня простой привычки.

Исключительно из-за ответственности перед Дженни Бэзил сдерживал рождающуюся любовь к миссис Мюррей. Он воображал, что его чувство к ней отличается от всего, что он знал прежде. Его желание оторваться от прошлого, бросившего тень на репутацию, только усиливалось. Он хотел начать новую, полноценную жизнь – чего бы это ни стоило, он должен был расстаться с Дженни. Он знал, что зимой миссис Мюррей собирается за границу, и не видел

причин, почему бы ему тоже не отправиться в Италию. Там он иногда мог бы видаться с ней и по истечении шести месяцев с чистой совестью попросить ее руки.

Подумав, что будущее предстало в более ясном свете, Бэзил решил закончить свою одинокую прогулку и медленно зашагал на Пиккадилли. После суеты и беспрестанного дневного мельтешения тишина, царившая там, неестественная и почти призрачная, казалась неправдоподобной. А знаменитая улица, мрачная, и пустая, и широкая, в своей безмятежности и спокойствии напоминала величественную реку. Воздух был прозрачен и чист, но резонировал так, что одинокий кеб ни с того ни с сего наполнил звоном все вокруг, и четкий стук лошадиных копыт раскатистым эхом отразился от стен. Ряд электрических фонарей отбрасывал свет на дома с равнодушной жестокостью, а чуть впереди очерчивал прямую ограду парка и ближайшие деревья, окрашивая в более темные тона мрачную сень листвы. В затемнении неровным ожерельем выцветших самоцветов мерцали газовые горелки, сверкая желтым пламенем. Повсюду царила тишина, но дома, белые, если не считать окон, хранили тишину иначе. Ведь в своем сне, закрытые и запертые на засов, они беспомощно обрамляли тротуар, беспорядочные и жалкие, словно без суетливого гомона людских голосов и спешки входящих и выходящих жильцов потеряли всякую важность.

7

В следующее воскресенье Бэзил Кент и Харрелл обедали с мисс Ли и там встретили мистера и миссис Кастиллион, которые объявились в начале второй половины дня. Супруг этой энергичной леди был полным человеком, впечатлявшим тучностью своего тела и банальностью своих речей. Его голова была лысой, мясистое лицо – чисто выбритым, а поведение отличалось удвоенной напыщенностью землевладельца и члена парламента. Казалось, природа причудливо отомстила ему за серость, сведя с таким оживленным человеком, как его жена, которая, несмотря на его явное обожание, относилась к нему с терпеливым презрением. Вероятно, мистер Кастиллион и страдал бы, если бы был так же молчалив, как и скучен, но поток его речей не иссякал. И теперь, найдя компанию, прямо-таки потрясенную его появлением, он ухватился за возможность поделиться мнениями, которые подобало бы высказать в последнем прибежище тупиц и зануд – палате представителей.

Но вскоре, следуя по пятам за дворецким, крадущейся походкой холеного кота в зал просочился Реджи. Он был бледен после субботних увеселений, но все равно очень красив. Мисс Ли, встав, чтобы поприветствовать его, перехватила взгляд миссис Кастиллион и, заметив в глазах этой леди недобрый блеск, пришла к выводу, что парочка договорилась об этой встрече. И хотя проницательную мисс Ли забавляло, что свидания назначаются в ее доме, она не стала бы покровительствовать дальнейшим хитрым проделкам миссис Кастиллион, если бы член парламента не доводил ее занудством до белого каления. А Эмили Бассетт в самом деле преувеличивала собственную заботу о сыне: мисс Ли раздражалась при мысли, что кто-то в принципе мог быть так добродетелен, как Реджи, по мнению матери.

– Пол, – сказала миссис Кастиллион, – мистер Бассетт слышал, что ты собираешься выступить в палате завтра, и он очень хотел бы тебя послушать... Познакомьтесь: мой супруг, а это мистер Барлоу-Бассетт.

– Действительно! Как вы об этом узнали? – с восторгом поинтересовался мистер Кастиллион.

Будучи довольно хитрым, Реджи никогда не лгал в спешке, чтобы потом не раскаиваться. Мгновение он колебался, затем перевел взгляд на Фрэнка и уставился на него, чтобы избежать противоречий.

– Мне сказал доктор Харрелл.

– Разумеется, я буду счастлив, если вы придете, – продолжал оратор. – Мне предстоит выступить прямо перед ужином. Вы не останетесь? Боюсь только, что ужин, который там подают, весьма плох.

– Его это не побеспокоит, после того как он выслушает твою речь, Пол, – заметила миссис Кастиллион.

Легкая улыбка тронула ее губы в ознаменование успеха этого маневра. Мистер Кастиллион вежливо повернулся к мисс Ли, задрожав всем телом, что предвещало очередное красноречивое выступление. Фрэнк и Бэзил тут же вскочили и попрощались с мисс Ли. Они вместе пошли к набережной Виктории. Какое-то время оба молчали.

– Я хотел поговорить с тобой, Фрэнк, – наконец произнес Бэзил. – Я подумываю уехать на зиму за границу.

– Правда? А как же адвокатская практика?

– Об этом я не особенно переживаю. В конце концов, мне есть на что жить и я собираюсь серьезно попробовать свои силы в писательском ремесле. К тому же я хочу порвать с Дженни, но не могу придумать, как сделать это мягче.

– Я думаю, это весьма умно с твоей стороны.

– О, я так жалею, что влез в это, Фрэнк. Не знаю, что делать. Боюсь, она привязалась ко мне намного больше, чем я ожидал, а я не хочу причинять ей боль. Мне невыносима сама мысль о ее страданиях, но невозможно продолжать в том же духе.

Фрэнк молчал, поджав губы, с суровым выражением лица. Бэзил разгадал, что за этим кроется молчаливое порицание, и разразился страстной речью:

– О, знаю, мне не следовало поддаваться. Разве ты не понимаешь, что мне пришлось горько сожалеть об этом? Я никогда не думал, что она воспримет это серьезнее, чем я. И в конце концов, я такой же мужчина, как любой другой. У меня есть страсти, как у других. Полагаю, большинство мужчин на моем месте поступили бы так же.

– Я бы не рискнул упрекнуть тебя, Бэзил, – сухо сказал Фрэнк.

– Просто мне хотелось сделать для девушки что-то доброе. Но я впал в уныние. В конце концов, если бы мы все были так же невозмутимы ночью, как бываем поутру...

– ...жизнь превратилась бы в воскресную школу, – вставил Фрэнк.

В ту минуту они находились рядом с Вестминстерским мостом, и мимо них проехала коляска. Они увидели, что в ней сидит миссис Мюррей, и она торжественно кивнула им. Бэзил покраснел и отвернулся.

- Интересно, не направляется ли она к мисс Ли.

- Хочешь вернуться и посмотреть? - холодно спросил Фрэнк.

Он внимательно посмотрел на Бэзила, который снова вспыхнул, но тут же отбросил мимолетные сомнения.

- Нет, - твердо ответил он. - Пойдем.

- Это из-за миссис Мюррей ты решил бросить Дженни?

- О, Фрэнк, не думай обо мне слишком плохо! Мне ненавистна уродливая, омерзительная вульгарность интрижек. Я намеревался вести жизнь более благопристойную, чем многие мужчины, из-за моей... Из-за леди Визард. А когда я с Дженни, то противен самому себе. Если бы я и не встретил миссис Мюррей, все равно сделал бы все, чтобы положить конец этим отношениям.

- Ты любишь миссис Мюррей?

- Да, - ответил Бэзил, выдержав короткую паузу.

- Думаешь, ты ей небезразличен?

- Недавно я был в этом уверен, а теперь опять сомневаюсь. О, я так хочу, чтобы она что-то ко мне испытывала! Не могу ничего с этим поделать, Фрэнк. Это совершенно другая любовь: она возвышает меня и поддерживает. Не хочу показаться педантом, но когда я думаю о миссис Мюррей, у меня нет ни одной недостойной мысли. И я этим горжусь, ведь моя любовь к ней почти духовна. Если она действительно небезразлична ко мне и выйдет за меня замуж, то, полагаю, тогда я смогу сделать хоть что-то хорошее в этом мире. Я вообразил, что если уеду на шесть месяцев, Дженни постепенно перестанет обо мне думать. Считаю, лучше потихоньку разойтись, чем разорвать отношения резко и жестоко.

- Разумеется, такой вариант будет менее болезненным для тебя, - заметил Фрэнк.

– А когда я стану свободен, то отправлюсь к миссис Мюррей, расскажу ей обо всем и попрошу ее руки.

Бэзил жил в симпатичном дворе Темпла, которому, несмотря на неизбежные в этом месте отвратительные перебранки, придавали спокойное очарование старые красные дома и лондонские платаны с их зеленой прохладой. Его комнаты на верхнем этаже были обставлены просто, но со вкусом человека, любившего красивые вещи. Леди сэра Питера Лели с их милой искусственной грацией взирали с гравюр меццо-тинто, украшавших обшитые панелями стены, а мебель Шератона придавала изысканную строгость жилищу студента.

Фрэнк набил трубку, но они просидели совсем недолго, когда раздался стук в дверь.

– И кто это, черт возьми, может быть? – удивился Бэзил. – Ко мне не так уж часто приходят посетители днем в субботу.

Он вышел в крошечный коридор и открыл дверь. Фрэнк услышал голос Дженни:

– Можно войти, Бэзил? У тебя кто-то есть?

– Только Фрэнк, – ответил он и проводил ее в комнату.

Дженни нарядилась в воскресную одежду, цвета которой показались доктору немного грубоватыми. Яркий бант на черной шляпке резко контрастировал с желто-коричневым жакетом, но ее красота была такова, что могла затмить нелепость любого костюма. Она была довольно высокого роста, хорошо сложена, с округлыми бедрами и полной грудью страстной женщины. Черты ее лица были выточены с совершенством, присущим греческой статуе, и ни одна герцогиня не могла бы похвастаться более аккуратным ртом или изящным носом. Ее маленькие уши были прекраснее морских раковин, а гладкая кожа имела нежный кремовый оттенок. Но особенно хороши были великолепные пышные волосы и сияющие глаза. Ее лицо носило девически невинное выражение, которое просто завораживало, и после придирчивого осмотра Фрэнк не мог отрицать: стоя с ней рядом, миссис Мюррей померкла бы совершенно, несмотря на все преимущества, которые дают хорошие манеры и изысканный туалет.

– Я думал, сегодня ты отправишься домой, – заметил Бэзил.

– Нет, у меня не получилось. Я пришла сюда сразу же после того, как мы закрылись в три, но тебя не было. Я так боялась, что ты не появишься до шести часов.

Было очевидно, что Дженни хотела поговорить с Бэзилом наедине, и Фрэнк, выбив пепел из трубки, встал, чтобы уйти. Хозяин проводил его вниз.

– Послушай, Бэзил, – сказал Фрэнк. – На твоём месте я воспользовался бы этой возможностью, чтобы сообщить Дженни о своём отъезде.

– Да, я так и собираюсь поступить. Рад, что она пришла. Я хотел написать ей, но думаю, это было бы проявлением трусости. О, ненавижу себя за то, что приходится причинять ей такую боль!

Фрэнк ушел. Сначала, чуть ли не завидуя удаче Бэзила, он проклинал свою судьбу, потому что красивые девушки никогда не влюблялись в него до безумия. Конечно, это было бы скучно, и такое рабское обожание раздражало бы его, но постоянное воздержание отнюдь не льстило его самолюбию. Однако теперь на пути в клуб, не нужный никому, свободный от каких-либо притязаний и привязанностей, он цинично поздравлял себя с тем, что прекрасные леди берегли свои улыбки для господ более обаятельных, чем он.

Когда Бэзил вернулся в комнату, он увидел, что Дженни не сняла шляпку, как обычно, а стояла у окна, глядя на дверь. Он подошел поцеловать ее, но она отстранилась.

– Не сегодня, Бэзил. Мне нужно кое-что сказать тебе.

– Что ж, сначаланими верхнюю одежду и расположись поудобнее.

Ему пришло на ум, что Дженни, вероятно, поссорилась с хозяином «Голден краун» или хотела упрекнуть его, что за последние несколько дней он не приходил повидать ее, и, закулив трубку, он решил отвечать с беспечной веселостью. Он не заметил, что она как-то странно на него смотрит, но когда

она заговорила, в ее голосе послышалась такая дикая тоска, что он вздрогнул.

- Не знаю, что бы я делала, если бы не застала тебя дома сегодня.

- Боже правый, Дженни! Что случилось?

Она сорвалась на рыдания:

- Я в беде, Бэзил!

Ее слезы растопили его сердце, и он очень нежно обнял ее, но она снова отодвигалась.

- Нет, пожалуйста, не садись рядом со мной, иначе я никогда не наберусь смелости рассказать тебе все.

Она встала, вытерев глаза, и принялась мерить шагами комнату.

- Я хотела встретиться с тобой утром, Бэзил. Приходила к твоей двери, но побоялась постучать и ушла. А потом сегодня днем, когда ты меня не услышал, я решила, что ты уехал, а я не смогла бы пережить еще одну ночь этих мучений.

- Быстро говори, в чем дело, Дженни.

Ужасный страх охватил его, и его щеки побледнели, как и ее. Она смотрела на него с невероятным беспокойством.

- Я не очень хорошо себя чувствую в последние дни, - прошептала Дженни. - И вчера я ходила к доктору. Он сказал, что у меня будет ребенок.

А потом, закрыв лицо руками, она горько зарыдала. Сердце Бэзила сжалось, и, когда он смотрел на эту несчастную девушку, склонившуюся под бременем стыда и страха, его переполнило чувство раскаяния. И если раньше он ни о чем не сожалел, то теперь сожалел всей душой.

- Не плачь, Дженни. Я не могу это выносить.

Она безнадежно подняла глаза, и когда он увидел это прекрасное лицо, искаженное болью, то содрогнулся от горя. Он был в смятении, и самые разные мысли металась у него в голове: он тоже боялся, но в то же время сильнее всего было чудесное ликование из-за того, что он станет отцом ребенка. Его сердце колотилось от гордости, и словно свершилось чудо – любовь вдруг зажглась в его сердце. Он заключил Дженни в объятия и расцеловал с большей страстью, чем когда-либо раньше.

– О нет, ради Бога, не надо! Для тебя это ничего не значит! – воскликнула она, пытаясь отстраниться от него. – А как же я? Лучше мне умереть. Я вела себя достойно, пока не встретила тебя.

Он больше не мог выносить ее страдания, и спонтанная мысль, пришедшая ему на ум только что, уже казалась единственно правильной. Был лишь один способ осушить эти слезы, лишь один способ исправить ошибки, и нахлынувший поток страсти помог принять решение. Но его сердце учащенно забилося, когда он заговорил, потому что он собирался сделать шаг без права на отступление, и лишь один Бог знал, чем это закончится.

– Не плачь, дорогая, ведь все не так плохо, – произнес он. – Нам лучше немедленно пожениться.

С тихим вздохом рыдания Дженни прекратились, и почти без движения она повисла на Бэзиле, будто лишившись чувств. Она медленно осмысливала его слова и озадаченно размышляла над ними, словно они прозвучали на языке, которого она едва понимала. А потом она задрожала, все так же молча.

– Повтори это, Бэзил, – прошептала она и после небольшой паузы спросила: – Ты серьезно? Ты можешь жениться на мне? – Она встала и посмотрела на него, растрепанная и прекрасная, с невыразимой печалью. – Я всего лишь официантка в баре, Бэзил.

– Ты мать моего ребенка, и я люблю тебя, – серьезно ответил он. – Я всегда мечтал иметь детей, Дженни, и ты сделала меня невероятно счастливым.

Ее глаза блестели от слез, а на взволнованном и еще недавно охваченном ужасом лице отразился такой восторг, что Бэзил почувствовал: его усилия окупились с лихвой.

- О, Бэзил, ты хороший! Ты ведь не шутишь, правда? И я всегда буду с тобой?

- Неужели ты так плохо обо мне думаешь, если полагаешь, что я могу бросить тебя сейчас?

- Да, я этого боялась. Ты почти не замечал меня в последнее время, и я была несчастна, Бэзил, но боялась, что ты это заметишь. Сначала у меня не хватало смелости тебе рассказать, я думала, ты разозлишься. Я знала, что ты не позволишь мне голодать, но ты мог бы просто дать мне денег и отправить восвояси.

Он поцеловал ее руки, сжигаемый желанием, как никогда, преклоняясь перед ее красотой.

- Я и не знал, что так сильно тебя люблю! - воскликнул он.

Дженни, зарыдав, упала в его объятия, теперь она рыдала с неудержимой страстью и, охваченная жадной любви, принялась искать его губы.

У Бэзила в коридоре стояла маленькая газовая плита, и с очаровательной хозяйственностью Дженни принялась готовить чай: уставшая и счастливая, она гордилась тем, что может для него что-то сделать, и настояла, чтобы он пока отдыхал и курил.

- Я не хотела бы брать служанку, Бэзил, буду все делать для тебя сама.

- Ты не должна возвращаться в этот отвратительный паб.

- Я же не могу бросить их на произвол судьбы, сам понимаешь. Мне нужно уведомить их за неделю.

- Тогда уведомляй немедленно, и, как только освободишься, мы поженимся.

- О, я буду так счастлива! - с восхищением вздохнула она.

– А теперь послушай: мы должны проявить благоразумие и поговорить кое о чем. Ты знаешь, что я не очень хорошо обеспечен. Я имею лишь три сотни фунтов в год.

– Но это много! – воскликнула она. – Еще бы, папа никогда не получал больше трех шиллингов десяти пенсов в неделю.

Бэзил задумчиво улыбнулся, поскольку привык к роскошной жизни и никогда не умел экономить. Но он убедил себя, что два человека могут жить скромнее, чем один. Он уделит серьезное внимание праву и, несомненно, со временем начнет получать доход. Пока же он собирался заниматься судебными записками. Они могли позволить себе маленький домик в пригороде, в Барнсе или Патни, и, чтобы не быть расточительными, просто отправиться на медовый месяц в Корнуолл на две недели. После этого он должен немедленно приступить к работе.

– Мама удивится, когда я скажу ей, что собираюсь замуж, – со смехом произнесла Дженни. – Ты должен приехать и познакомиться с ними.

Хотя брат Дженни из Сити иногда приходил в «Голден краун», Бэзил не был лично знаком ни с кем из ее родственников. Он знал, что они живут в Крауч-Энде[29 - Один из пригородов Лондона.].

– Я не вернулась бы к ним, если бы ты не сказал, что женишься на мне, Бэзил. Мама выставила бы меня за дверь. Я боялась идти к ним сегодня, чтобы она ничего не заподозрила. – Вдруг в ее душу закралось сомнение, она быстро повернулась к нему: – Ты ведь не обманываешь меня, правда? Ты не оставишь меня теперь?

– Конечно, нет, глупое дитя. Разве ты не понимаешь, что я буду гордиться такой красивой женой?

Дженни пришлось уйти незадолго до шести, когда «Голден краун» открывал двери умирающим от жажды христианам. И Бэзил, проводив ее, отправился погулять, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию. Способность решать вопросы самостоятельно, невзирая на похвалу или осуждение, очень редкое качество даже для мужчин. И со свойственной ему неуверенностью в себе он ощущал в этот момент острую необходимость срочно получить совет или поддержку. Но

Фрэнк был недоступен, и он не мог побеспокоить мисс Ли еще раз за этот день. Он отправился в свой клуб и написал записку с намерением узнать, можно ли встретиться с ней следующим утром.

Он плохо спал, проснулся позже обычного и едва успел позавтракать, когда пришел ответ, где сообщалось, что мисс Ли с радостью прогуляется с ним в одиннадцать часов по Сент-Джеймскому парку. Он проявил пунктуальность. Некоторое время они неторопливо бродили, наблюдая за пернатой дичью, и Бэзил, колеблясь, говорил на отвлеченные темы, но мисс Ли, заметив его необычную серьезность, догадалась, что ему предстоит сделать непростое заявление.

– Ладно, что там у вас? – прямо спросила она, присев.

– Только то, что я собираюсь жениться.

Она тут же подумала о миссис Мюррей и задалась вопросом, когда Бэзил нашел возможность признаться той в любви.

– И это все? – воскликнула она с улыбкой. – Весьма похвальный поступок для молодых людей, но уж точно не надо принимать в связи с этим столь серьезный вид.

– Я собираюсь жениться на некой мисс Буш.

– Это еще кто такая? Никогда о такой не слышала, – удивленно ответила милая леди, повернувшись к нему. Но смутное воспоминание пронеслось у нее в голове. – Это не та ли Дженни Буш, которую, как рассказывал Фрэнк, вы где-то нашли и клялись, что она – красивейшее создание на земле? – Она вперила в него пристальный изучающий взгляд. – Полагаю, вы не собираетесь жениться на официантке из паба на Флит-стрит?

– Именно так, – тихо ответил он.

– Но почему?

– Очевидно, потому что я в нее влюблен.

– Чушь! Впечатлительный юноша может влюбиться в дюжину девушек, но в стране, где моногамия установлена актом парламента, невозможно жениться на всех.

– Боюсь, не могу назвать вам других причин.

– Тогда вы могли бы сообщить мне эту весьма интересную новость в письме, – сухо заметила мисс Ли.

Он опустил глаза, поник и какое-то время молчал.

– Я должен был с кем-то поговорить, – наконец не выдержал он. – Я так одинок, и нет никого, кто оказал бы мне помощь или дал совет... Я женюсь на Дженни, потому что должен. Я знаю ее уже некоторое время, все это было мерзко и отвратительно. Но вчера, после того как я ушел от вас, она появилась у меня дома. Она была на грани истерики, бедняжка, она едва понимала, что говорит, и она сказала мне...

– ...что случилось то, чего вам вполне следовало ожидать, – перебила мисс Ли.

– Да.

Мисс Ли размышляла, медленно рисуя свои инициалы острием зонта на гравии, а взволнованный Бэзил на нее смотрел.

– Вы уверены, что не совершаете глупость? – наконец спросила она. – Вы ведь не любите ее, правда?

– Нет.

– Тогда вы не имеете права на ней жениться. О, мой дорогой мальчик, вы и не представляете, как иногда утомителен брак, даже с людьми своего круга и схожих интересов! Я давно живу на свете и убеждена: брак – самое ужасное явление в мире, если только страсть не делает его абсолютно неизбежным. Я ненавижу и презираю всеми фибрами души тех глупцов, которые пытаются

опровергать и игнорировать этот факт.

– Если я не женюсь на Дженни, она покончит с собой. Она не просто обычная официантка. Пока я не узнал ее ближе, она была в высшей степени благонаравна. Бросить ее – значит погубить ее.

– Думаю, вы преувеличиваете. В конце концов, это не больше, чем весьма прискорбный инцидент, приключившийся вследствие вашей... невинности. И нет никакой необходимости в отчаянных действиях или позерстве. Вы поведете себя как джентльмен и позаботитесь о девушке должным образом. Она может отправиться в деревню на то время, пока все не закончится, а когда вернется, никто ничего не узнает и она не пострадает.

– Но здесь вопрос не в том, что все станет известно. Это дело чести.

– Разве не поздновато говорить о морали? Я не вполне понимаю, где была ваша честь, когда вы соблазняли девушку.

– Осмелюсь сказать, я был полным негодяем, – смиренно заметил он. – Но теперь я должен исполнить свой долг.

– Вы говорите так, словно подобное никогда не случалось раньше, – напирала мисс Ли.

– О да, знаю, такое происходит сплошь и рядом. Если девушка уступает, тем хуже для нее. Мужчины всегда в стороне. Пусть идет на улицу, пусть катится к черту или повесится.

Мисс Ли, поджав губы, передернула плечами. Она поинтересовалась, как он собирается жить, ведь его дохода явно не хватит на семью, а он явно не создан для долгой монотонной работы в адвокатуре. Она знала о профессии писателя достаточно, чтобы понимать: этим много денег не заработаешь. Бэзилу недоставало журналистской проворности, и ему потребовалось два года, чтобы создать роман, за который он, вероятно, получит не больше пятидесяти фунтов. А его страсть к анализу душевного состояния вряд ли могла способствовать материальному обогащению. Кроме того, он был расточителен и совершенно не желал экономить и откладывать на черный день. К тому же он никогда не имел возможности освоить сложное искусство приобретения товаров на целый

шиллинг за двенадцать медяков.

– Полагаю, вы понимаете, что все осмеют вашу жену, – добавила мисс Ли.

– Значит, они и меня осмеют.

– Но вы последний человек на свете, который готов отказаться от светской жизни. Ничто не приносит вам большего удовольствия, чем званые ужины и визиты в приличные дома. Улыбки женщин для вас важнее всего.

– Вы говорите обо мне так, словно я совершенно ручной кот, – улыбнулся он. – В конце концов, я лишь пытаюсь исполнить свой долг. Я совершил ужасную ошибку, и Бог знает, как горько я об этом сожалею. Но теперь, когда я ясно вижу перед собой свой путь, какова бы ни была цена, я должен по нему пойти.

Мисс Ли внимательно посмотрела на него, и ее пронизательные серые глаза на мгновение остановились на его лице, изучая его.

– Вы уверены, что не слишком превозносите свой героизм? – спросила она, и в ее голосе послышался колющий холод, от которого Бэзил поморщился. – В наши дни самопожертвование – роскошь, в которой немногие решаются себе отказать. Это занятие обрело популярность, когда люди отвергли сахар из-за того, что от него толстеют. А ведь все необдуманно жертвуют собой исключительно из любви к этому процессу, как бы ни расплывчата была цель. Но на самом деле цель заботит людей меньше всего: они не беспокоятся о том, насколько отдаляются от нее, если могут удовлетворить свою страсть.

– Когда я попросил Дженни выйти за меня замуж и увидел, какая радость озарила ее заплаканное лицо, я понял, что поступил правильно. Ах, какая разница, несчастен я или нет, если могу сделать счастливой ее!

– Я и не думала о вашем несчастье, Бэзил. Я думала, вы уже навредили этой девушке достаточно, чтобы еще и жениться на ней... Полагаете, в этом браке ее ждет что-то еще, кроме страданий? Вы идете на это только из эгоизма и трусости, потому что кичитесь чувством собственного достоинства и боитесь причинять боль.

Такая точка зрения была нова для Бэзила, но казалась необоснованной. Он быстро отмахнулся от нее.

– Все это время вы не думали о ребенке, мисс Ли, – медленно произнес он. – Я не могу позволить, чтобы ребенок проник в этот мир, словно вор. Пусть идет по жизни с честным именем. Жизнь и так сложная, чтобы еще ставить на нем отвратительное пятно позора. И в конце концов, я буду только горд стать отцом этого ребенка. Как бы я ни страдал, как бы мы оба ни страдали, это окупится с лихвой.

– Когда вы собираетесь жениться? – спросила мисс Ли, выдержав паузу.

– Думаю, через неделю. Вы ведь не покинете меня, мисс Ли?

– Разумеется, нет, – ответила она, нежно улыбаясь. – Я думаю, что вы глупец, но таково большинство людей. Они никогда не понимают, что жизнь всего одна, а многих ошибок не исправить. Они считают, что жизнь – это как игра в шахматы: можно попробовать один ход, потом другой, а когда увязнешь в неразберихе, смахиваешь фигуры с доски и начинаешь сначала. Но жизнь – это игра в шахматы, в которой кого-то всегда ждет поражение. По другую сторону стола сидит смерть, и на каждый твой ход у нее найдется ответный, на каждую твою хитроумную схему – такая же своя.

Они пошли назад по Олд-Куин-стрит, размышляя каждый о своем, и у двери мисс Ли подала Бэзилу руку. Он немного поколебался, но все же заговорил:

– Есть еще кое-что, мисс Ли. Я воображал, что миссис Мюррей... Осмелюсь предположить, что я был не прав, но я не хотел бы, чтобы она слишком дурно обо мне думала.

– Боюсь, с этим вам придется смириться, – ответила мисс Ли. – Между вами не было ничего, что могло бы препятствовать помолвке?

– Ничего.

– Я увижусь с ней через день или два и скажу ей, что вы собираетесь жениться.

- Но что она подумает обо мне?

- Полагаю, вы не хотите, чтобы она узнала правду?

- Не хочу. Я рассказал все вам только потому, что почувствовал необходимость с кем-то поговорить. И я меньше всего хочу, чтобы миссис Мюррей узнала.

- Тогда пусть думает так, как сама сочтет нужным. До свидания.

- Вам больше нечего мне сказать? - в отчаянии спросил он.

- Мой дорогой, если вы можете перенести все, что угодно, значит, вы можете отважиться на все, что угодно.

8

Мисс Ли увидела декана в библиотеке в полном одиночестве, поскольку во второй половине дня Лэнгтоны собирались обратно в Теркенбери, а Белла решила посвятить последнее утро походу по магазинам.

- Знаете, Эджернон, в нашем мире именно хорошие люди приносят больше всего вреда, - заметила мисс Ли, присаживаясь. - Плохие продолжают совершать отвратительные поступки с безрассудством, которое сводит на нет несправедливость, а здравый смысл лишает остроты творимое ими зло. Но порой совершенно нелогично поведение человека, убежденного в своей собственной добродетельности.

- Это прямо-таки подрывная доктрина, - улыбнулся декан.

- Только нечестивцы должны грешить, ибо опыт учит их умеренности, когда на их долю выпадает немного страданий. Но если с узкой тропинки соскальзывают праведники, они безнадежно бродят впотьмах, совершая одну ошибку за другой в надежде реабилитировать себя с помощью добродетели. При таких обстоятельствах они ранят всех вокруг гораздо сильнее, чем люди порочные до мозга костей, так как отказываются смириться с тем, что в данном случае

надлежит вести себя иначе.

– Пожалуйста, расскажите, что подвигло вас на эту пламенную речь.

– Один мой юный друг сделал глупость и собирается прикрыть ее другой глупостью. Он только что приходил ко мне якобы за советом, но на деле для того, чтобы я восхитилась его благородством.

Не называя имен, мисс Ли рассказала кузену историю Бэзила.

– Впервые я получил должность викария в Портсмуте, – произнес декан, когда она закончила. – Тогда я был совершенно нетерпим к любым проявлениям зла и всячески стремился исправлять ошибки. Я помню, один из моих прихожан попал в подобную ситуацию, и ради ребенка, а также самой женщины я настоял, чтобы мужчина женился. Я буквально за волосы приволок их к алтарю, а когда должным образом узаконил их отношения, то почувствовал, что сделал благое дело. Шесть месяцев спустя этот человек перерезал горло жене, а его самого в наказание повесили. Если бы я так настойчиво не вмешивался, возможно, две жизни удалось бы сохранить.

– Миссис Гранди[30 - Персонаж пьесы Т. Мортон, законодательница общественного мнения в вопросах приличия.] – человек большого ума и ни в коей мере не заслуживает оскорблений, которые сейчас сыплются в ее адрес. Ее не смущает, если мужчина немного распушен, а если нет, то она посчитает его скорее размазней. Но с восхитительной проницательностью она сознает, что для женщины действуют более строгие правила: если она падет морально, миссис Гранди без малейших сомнений первой толкнет ее в пропасть. Общество – это страшное чудовище, которое вроде бы дремлет, так что думаешь, будто можно позволить себе любую вольность. Но на самом деле оно все время наблюдает за тобой с тихим коварством, и когда ты меньше всего ожидаешь, протягивает железную руку, чтобы раздавить тебя.

– Надеюсь, Белла не опоздает, – сказал декан. – У нас не так много времени после обеда, чтобы успеть на поезд...

– Общество составило свои собственные десять заповедей – кодекс чести, идеально подходящий для середнячков, которые не слишком хороши, но и не слишком плохи. Но самое странное здесь то, что наказание будет одинаково

суровым, поступишь ли ты лучше, чем предписывает кодекс, или хуже.

- Иногда этот кодекс превращает тебя после смерти в бога.

- Или заставляет распинать тебя еще при жизни, Эджернон.

Вскоре после этого появилась Белла и, когда декан поднялся наверх, сообщила мисс Ли, что по совету продавца книг купила для Герберта Филда два толстых тома «Очерка жизни Шелли» Даудена.

- Надеюсь, скоро у него накопится достаточно стихов, чтобы составить небольшой сборник, - сказала Белла. - И тогда я спрошу его, нельзя ли мне организовать издание. Интересно, поможет ли мне мистер Кент найти издателя.

- В этом случае вы обнаружите, что банковский счет - ваш лучший помощник, моя дорогая, - ответила мисс Ли.

Бэзил сообщил о приближающейся свадьбе солиситору, потому что его небольшое состояние находилось в трасте, а для оформления некоторых документов требовалась подпись его матери. Через день или два он получил письмо следующего содержания:

Cher Enfant![31 - Дорогое дитя! (фр.)]

Я узнала, что ты собираешься жениться, и желаю дать тебе родительское благословение. Пожалуйста, приходи завтра на чай, чтобы получить его в надлежащем виде. Ты достаточно долго на меня дулся, а сердитый мужчина всегда выглядит немного нелепо. На тот случай, если ты забыл, рискну напомнить, что я твоя мать.

Искренне твоя,

Маргарита Визард.

P.S. Как же нелепо устроен мир: мужчина, если его отец – каналья, утешает себя мыслью, что их родство всегда по сути своей сомнительно, а вот в отношении матери не может прибегнуть к такому прекрасному средству успокоения души.

Леди Визард проявила прозорливость, когда предсказала, что ей хватит пары лет, чтобы вернуть себе привычное место в обществе благодаря красоте, богатству и популярности в свете. Все прекрасно знали, что ее положение после суда было сомнительно, и требовался невероятный такт, чтобы обойти множественные ловушки. Она осознавала, что у тех, кто стремится подняться по общественной лестнице, есть две опоры – филантропия и римско-католическая церковь. Но сообразительная дама не считала свою ситуацию настолько плачевной, чтобы ей требовался переход в иную конфессию, зато особое рвение в проявлении благотворительности сделало свое дело. Леди Визард возвращала себе уважение, используя занудную пожилую леди, положение и богатство которой давали безграничную власть над миром, а благожелательность делала послушным инструментом в чужих руках. Леди Эдвард Стрингер была маленькой старой женщиной со вставными зубами, ярко-каштановым париком и вечно перекошенным лицом. И хотя она была невыносимо скучна, все же умудрялась собирать в своей гостиной всех жителей Лондона, обладавших реальным весом в свете. Будучи родственницей лорда Визарда, она яростно ссорилась с ним, и казалось совершенно естественным, что его жена изливала свои горести женщине, которая с удовольствием ее слушала. Теперь, когда хотела, леди Визард буквально излучала очарование и благожелательность, немногие могли перед ней устоять: она была хитра и хорошо помнила каждую свою выдумку, так что ее ни разу не поймали на лжи. Повествуя о своем несчастливом браке, она так искусно давила на жалость, что леди Стрингер, растрогавшись, обещала сделать все, чтобы помочь ей. Она посещала приемы старой леди, появлялась с ней всюду, где собираются сливки общества, и в конце концов мир пришел к выводу, что вполне может позволить себе общение с интересной женщиной, которая к тому же не страдает от отсутствия денег.

Когда приехал Бэзил, откликнувшись на письмо, он застал мать в кресле в ее любимой позе, как на портрете. Сам портрет, ставший благодаря дерзким цветам сенсацией сезона, висел за ее спиной, чтобы все видели, насколько мало изменилась за последние десять лет эта мудрая женщина. Сбоку лежали неизменные сигареты, нюхательная соль и французский роман, мнения о котором в обществе резко разделились. Леди Визард получила собственный стенд на предстоящей благотворительной распродаже и явно не без удовлетворения изучала проспект, в котором ее имя фигурировало в списке,

куда включали людей исключительно респектабельных.

Высокая и величавая, она носила наряды с показной экстравагантностью, а не простотой, граничившей с неряшливостью, что было присуще большинству ее соотечественниц. Она не имела желания скрывать от мужских взглядов пленительные изгибы великолепной фигуры и одевалась с нахальным бесстыдством сладострастной женщины, чтобы привлекать внимание к своим выдающимся формам, а не скрывать их. Да и замысловатое искусство макияжа не было ей чуждо: обычная англичанка, которая пользуется косметикой, как правило, чувствует, что это первый шаг на пути к Аверну[32 - Аверн - озеро близ Неаполя в Италии, которое описывалось в римской мифологии как вход в подземное царство мертвых.], и красится плохо. Она никогда не может избавиться от мысли, что косметика немного безнравственна или немного вульгарна и маленький дьяволенок, парнокопытный и хвостатый, всегда прячется на дне баночки с румянами. Затем, проявляя упрямство, раз начало уже положено, и убеждая себя в правильности собственных действий, она обязательно переусердствует. Леди Визард так умело использовала все уловки, известные женщинам, что результат оказывался просто восхитительным. Даже волосы, с которыми представительницы прекрасного пола вечно мучаются, были выкрашены так, что идеально гармонировали с глазами и цветом лица, и хваленые мужские умы часто обманывались. Ее брови были совершенны, а проведенная карандашом линия у ресниц придавала сверкающим глазам еще большую глубину. Помаду она наносила с мастерством художника, и губы ее были не менее красивы, чем лук Купидона.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

В книгах Ветхого Завета скорпион знаменует ужасную кару: царь Ровоам, сын Соломона, грозит своим подданным: «Отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами». – Здесь и далее примеч. пер.

2

Вид гравюры на металле, относящийся к глубокой печати.

3

Ранг следующего по старшинству после епископа духовного лица в католической и англиканской церкви.

4

Адвокат, имеющий право выступать в высших судах, в отличие от солиситора – адвоката, который готовит дела для барристера и имеет право выступать в судах низшей инстанции.

5

Книга пэров Берка содержит список пэров Англии и их родословную, а также список лиц, получивших титул пэра в истекшем году. Впервые была издана Дж. Берком в 1826 г. С 1847 г. книга издается ежегодно.

6

Имеются в виду скульптурные группы, чаще всего на въезде в населенный пункт, с изображением распятия, иногда – Богоматери и других фигур. Calvaire – Голгофа (фр.).

7

Церковь всех душ построена в Лондоне в неоклассическом стиле в 1822–1824 гг.

8

Земляничные листья символизируют титул герцога, что связано с эмблемой в виде земляничных листьев на герцогской короне.

9

Джереми Тейлор (1613–1667) – английский священник и писатель, мастер проповеднического красноречия, повлиявший на прозу английского романтизма.

10

Один из старейших кинотеатров Лондона, закрыт в 1922 г.

11

Город в Германии.

12

Имеется в виду известная своей красотой фаворитка короля Франции Людовика XIV.

13

Имеется в виду школа Хэрроу – элитная частная школа для мальчиков.

14

Екатерина Корнаро (1454–1510) – знаменитая венецианка, супруга короля Иакова II Кипрского.

15

Имеется в виду Жанна Пакен (1869–1936), одна из первых французских модельеров.

16

Обтесаться (фр.).

17

Да ладно, мой дорогой (фр.).

18

Боже мой! (фр.)

19

А потом? (фр.)

20

Как бы не так, мой маленький! (фр.)

21

О, как же ты мне надоел! (фр.)

22

Деклассированном (фр.).

23

Буржуа, господин (фр.).

24

Меня это нисколько не волнует (фр.).

25

Ты выглядишь нелепо, мой дорогой (фр.).

26

Один из четырех «Судебных иннов», названный по имени первого владельца здания инна Томаса де Линкольна. Каждый барристер должен вступить в одну из четырех юридических корпораций: «Линкольнз инн», «Грейс инн», «Миддл-Темпл» или «Иннер-Темпл».

27

Район в Лондоне, где находятся инны.

28

Лондонский концертный зал, на месте которого позже появился кинотеатр.
Здание было разрушено в 1957 г.

29

Один из пригородов Лондона.

30

Персонаж пьесы Т. Мортон, законодательница общественного мнения в вопросах приличия.

31

Дорогое дитя! (фр.)

32

Аверн – озеро близ Неаполя в Италии, которое описывалось в римской мифологии как вход в подземное царство мертвых.

Купить: <https://tellnovel.com/somerset-moem/karusel-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)